

PARUS

ВЕСТНИК

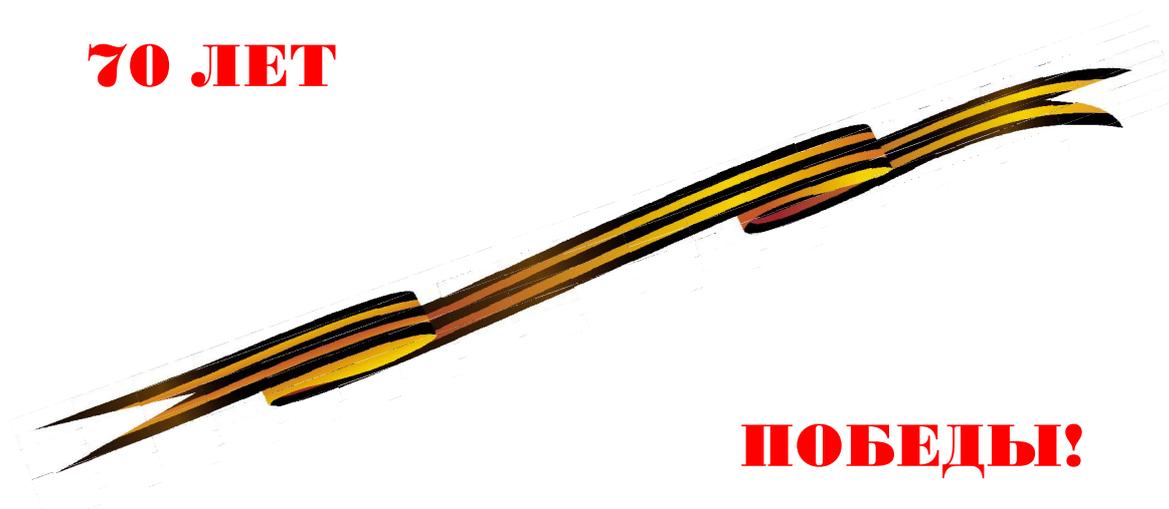
Института биологии
Коми НЦ УрО РАН

№ 3
(191)

В номере

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	2
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	20

70 ЛЕТ

ПОБЕДЫ!

С 2012 г. издается шесть раз в год.

Издается
с 1996 г.

Главный редактор: д.б.н. С.В. Дегтева
Зам. главного редактора: к.б.н. И.Ф. Чадин
Ответственный секретарь: И.В. Рапога
Редакционная коллегия: д.б.н. В.В. Володин, к.х.н. Б.М. Кондратенко,
к.б.н. Е.Г. Кузнецова, к.б.н. Е.Н. Мелехина, д.б.н. А.А. Москалев,
к.б.н. А.Н. Петров, к.с.-х.н. Н.В. Портнягина, д.б.н. Г.Н. Табаленкова,
д.б.н. А.Л. Федорков, к.б.н. Т.П. Шубина

Завершаем публикацию материалов, в разные годы подготовленных сотрудниками Института биологии к празднованию Победы в Великой Отечественной войне («Мы будем вспоминать...». Сыктывкар, 2005; Козубов Г.М. «Жизнеописание отдельно взятого представителя русской науки в XX веке». Сыктывкар, 2008).

Мне было девять лет, когда началась война. Папу (он был офицер запаса) мобилизовали в первый же день. Мама с двумя детьми осталась в чужом городе Горьком. Было решено уехать оттуда к маминной сестре в Куйбышев. Она помогла нам устроиться. Ее муж работал прорабом на строительстве подземного «дворца» для Сталина. Прожили там два года, испытали страх от немецких бомбежек и по настоятельному совету папы (в письмах) в 1943 г. поехали в Сыктывкар к папиным родителям. Мне было 12 лет, а брату три года. В дороге нас обокрали, и мы приехали к бабушке с дедушкой голые и голодные. Нас обогрели. Мама устроилась на работу и во всем помогала большим семьям папиных братьев (они вернулись с фронта ранеными). Дом папиных родных находился поблизости от реки где-то в районе теперешнего «Белого дома». Все вместе работали в огороде, заготавливали сено для коровы, ходили на рыбалку с неводом. Рыбу потом меняли на зерно, которое мы с мамой мололи жерновками. Мне тоже приходилось этим регулярно заниматься, и это был далеко не легкий труд. На всю зиму заготавливали ягоды. Грибы и капусту солили бочками на всю большую семью. Землю на огороде занимали

Аделия Николаевна Басырова

только под картошку и капусту, чтобы хватило на всю зиму.

Мы, школьники, работали все лето в колхозе. Учиться начинали только с октября. Убирали турнепс, пололи, собирали колоски. А после седьмого класса, когда мне было 13 лет, нас посылали на лесосплав в Седькырекш. Утром увозили на парохоме. Там целый день баграми продвигали бревна. Иногда падали в воду прямо в одежде, потом сушились на парохоме. Кормили нас в обед кашей. Вечером, уже потемну, нас привозили домой, чтобы завтра все начать сначала. Работали без выходных. Мне за работу на сплаве дали пять метров белой ткани.

Дрова для школы заготавливали мы сами. Каждый должен был выловить из реки какое-то количество бревен, распилить их и отвезти в гору на санках в школу. Помню, пилили мы с мамой и возили тоже вместе. Зимой по очереди топили в школе печи.

Война оставила в наших душах тяжелый след. Погиб папа, погиб мой любимый дядя...

Известие об ее окончании было встречено с большим восторгом. Всем классом бегали по соседям, оповещали о Победе.

к.б.н. А. Басырова

* * *

В мае 1945 г. мне было 15 лет, я училась в восьмом классе школы № 1. Жила на квартире у Шергиных по ул. Куратова, так как в затоне «Красный водник», где жили мои родители, восьмилетней школы не было. Девятого мая, ранним утром, меня разбудила Александра Дмитриевна и сообщила радостную весть – кончилась война! Я вскочила с кровати, подбежала к окну и увидела около дома ликующих, обнимающих друг друга, поющих и танцующих людей... Общая радость захватила и меня, разумом я осознала огромную значимость произошедшего события! Однако ощущение радости очень быстро сменилось горечью, пронзительной грустью, когда

Татьяна Александровна Власова

я подумала о Жене – моем любимом брате, жизнь которого в 1942 г. унесла война. Ведь никогда больше он не будет с нами, никогда не увидим его! Смахивая на ходу слезы, я быстро оделась и помчалась в Затон – к маме и папе, которые, конечно, ждали меня.

Не помню, как я прошла девять километров до Затона, помню только, что по дороге плакала, а когда встретилась с мамой, мы обе разрыдались. Боль в душе, незаживающая горечь потери семнадцатилетнего брата Жени живут со мной вот уже 63 года...

к.х.н. Т. Власова

* * *

Когда началась война, мне было четыре года, и первые два года я почти ничего не помню. С 1943 г., когда мне было уже шесть лет, помню все очень хорошо.

...Вот я часами простаиваю на окне в ожидании мамы (в детские

ясли меня уже не берут – большая!). Дома никого. Со стен на меня смотрят фотографии родных и близких. Их много! И мне страшно. Не смею назад вернуть головы, замираю от безотчетного страха... По безлюдной деревне шастают беглецы (репрессированные) в поисках какой-нибудь еды. Видела однажды китайца. Детское сердце сжимается от всех

этих кошмаров. К счастью, вскоре меня «устраивают» нянкой в колхозные ясли. Самой мне едва пять лет. И вот уже в течение двух лет каждое утро со своей едой (кружкой молока и шаньгами) я отправляюсь на «работу». Об этом договори́лась моя мудрая мама. Сколько же можно испытывать терпение ребенка!? А в яслях я изо всех сил стараюсь помогать старенькой тете Сане. Она там и заведующая, и воспитательница, и нянька, и повар. От усталости иногда плачу. Но лучше уж так, чем дома одной. Тетя Саня хвалила меня за работу.

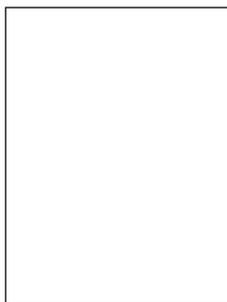
На селе нашем Вомын Сторожевского района остались тогда только женщины и старики. Отца моего забрали уже на финскую, а потом и на Отечественную. Старшая сестра жила своей семьей в другом селе. Брат после окончания четвертого класса ушел из дома. Закончил семилетку. У него был хороший голос. Работал в Усть-Куломском КЭБе солистом. Пел и оперные партии. Была у него броня. В армию взяли уже после окончания войны. Так что всю войну мы жили с мамой одни до возвращения в 1944 г. с фронта инвалида отца.

Деревня каторжно работала и бедствовала. Особенно тяжело приходилось многодетным семьям, где было по шесть-восемь детей. Плохо было и тем семьям, которые не держали корову, зарабатывали мало трудодней. Кто был поусерднее, трудился на самом деле от зари до захода солнца, без выходных, но жили более или менее сносно. После уборочной и молотбы на трудодни осенью распределяли зерно, капусту, турнепс, брюкву. Денег ни у кого не было. Все жили своим хозяйством. У каждого были корова (или полкоровы), овцы, куры. Около дома был большой огород, луг, где делали по два укуса специально для овец. На огороде у каждого были выделены две полосы для зерновых. Сеяли ячмень и пшеницу. Молотили вручную. Мололи. Все это на осень, чтобы не жить без хлеба, дотянуть до распределения колхозного зерна на трудодни.

На целый год зерна все равно не хватало. Как только созревал клевер, детей обычно отправляли на сборы головок клевера (или стеблей дягеля). Все это сушили, толкли и травяную муку добавляли к ячневой муке. Пекли обычно шаньги со сверхтонкой корочкой – творожные, картофельные, ягодные. Ржаной подовый хлеб пекли очень редко (экономили муку). Но, в общем-то, жили вполне сносно, не голодали.

Своих коров, как и колхозных, с ранней весны и до поздней осени выпасали по ту сторону реки. Маме приходилось вставать в четыре часа утра, чтобы успеть до работы натопить печь, сделать утреннюю дойку и к семи часам быть уже на работе. Благо лодка у каждого была своя. У нас была хорошая корова, одна на две семьи. Холмогорской породы. Молоко нашей буренки было повышенной жирности (5.2 вместо 3.6 %), поэтому с нас вместо 320 литров брали в госпоставку 270 литров.

Сенокос был тоже за рекой. Обычно колхозники брали с собой детей старше пяти лет. Мне нравилась пора сенокоса. До обеда работали вместе со

Галина Яковлевна
Елисеєва

взрослыми. При этом детям приходилось сгребать сено на самых неудобьях, над рекой, между кустами. Бригадир Мария Аристарховна не давала нам спуска. Выкашивали каждую неудобину. Мошкара! В руках у нас специальные детские грабли...

Зато после обеда для всех (!) мясной суп. Во время сенокоса колхоз специально забивал какую-нибудь тощую корову. В огромном чугуне варили общий мучной суп. На костре кипятили 8-10 ведер воды, заваривали смородиновые ветки, земляничные листья, зверобой, и все было так вкусно! На сенокосе почти весь колхоз садился вокруг костра, семьями, было очень весело, и тогда мы забывали о войне.

Вечерами с сенокоса женщины возвращались в 10 часов вечера, едва держались на ногах от усталости. Косили горбушами, почти по одному гектару каждый день. В виде премии к концу недели получали по ситцевому платочку или по кусочку ситца на блузку. Да, нелегкая доля выпала тогда на плечи наших матерей... У них в сознании было заложено: чтобы выжить, нужно много работать, получить побольше трудодней, побольше зерна и корнеплодов на них. Дети тоже были постоянно вовлечены в какую-то трудовую деятельность. Сбор ягод входил в основном в их обязанность. Летом, едва созреет голубика и другие ягоды, мы уже заняты их сбором. Благо, ягод было много, и далеко не надо было ходить. Воспитывались мы в труде, подражая старшим. Были осведомлены обо всех этапах того или иного сельскохозяйственного процесса. В пять лет я уже наряду со взрослыми стояла на сенокосе, делала завязки для снопов.

Дома мне вменено было в обязанность раз в неделю чистить самовар. Причем брака, как и в любом другом деле, не допускалось. Не скрою, иной раз мне так не хотелось это делать, но раз и навсегда заведенный порядок не давал отлынивать. Всю зиму вечерами я вместе с мамой пряла, вязала варежки и носки для фронта и для себя.

Школу я очень любила. С первого по четвертый класс меня учила Александра Прокопьевна Удортина. Не представляла себе, как могу прийти в школу с неподготовленными уроками. Справедливая была, добрая учительница, я всегда ее считала самой любимой. Другие учителя тоже были хорошие. Не было тетрадей, писали на каких-то старых книгах между строк. Уроки учила на табурете при свете керосиновой лампы, без стекла (дзюзган). Часто вместе с табуретом забиралась к маме на печку, где она отогревалась после трудового дня. Она вяжет, я читаю. Любимые мгновения...

В 1944 г. домой на носилках принесли отца после госпиталя в Барнауле. После ранений он не мог ходить. Отнялись ноги. Почти не мог есть. Пил только чай. И вот три женщины (мама и две ее сестры) взялись за его лечение. Помню денатурат, какие-то травяные снадобья. Ежедневный массаж. И вот уже костыли, палка... И смог, наконец, самостоятельно передвигаться. Он был большой сапож-

ных дел мастер! Знал толк в кожевенном деле. Обшивал всю семью. Его обувные изделия были известны и среди требовательных обкомовских работников в Сыктывкаре. Ему даже была подарена 30-линейная керосиновая лампа, которую он подвешивал наверху в светелке, где занимался своими сапожными делами. Мы с мамой тоже забирались часто к нему. Я готовила уроки. Мама вязала. После войны отец так и оставался больным человеком. До конца своих дней упорно боролся за жизнь. Был организованным человеком. Поддерживал себя. В шесть часов утра делал зарядку, вовлекая и соседей по палате, когда уже был безнадежно болен. Умер в 1951 г. в возрасте 50 лет. Селяне уважали его. Он хорошо пел, играл на гармошке. Незаметным был на свадьбах. Хорошо говорил по-русски.

Моя мама была неграмотной женщиной. В моем табеле она расписывалась Марья (вместо Мария), а фамилия Каракчиева была для нее слишком длинной. Старшая в семье, она уже в семь лет стряпала на всю семью. Несмотря на отсутствие образования, была активным человеком: членом городского правления, народным заседателем, звеньевой. Я не раз испытывала чувство восторга – лечу вместе с мамой в санях, укутавшись в полушубок, за 30 километров в починок Угдым! Там расположен избирательный участок... Гордилась тем, что многих в ту лихую годину спасла от тюрьмы. Прислушивались к ее мнению. О маме хорошо сказал муж моей сестры: «Ты, Марья, знаешь смысл жизни».

Я очень любила своих родителей. Они были честными и трудолюбивыми и нас с детства воспитывали в труде. Всегда восхищалась своей мамой – откуда она брала силы? Никогда не слышала я от нее, что она устала, что жизнь ей досталась тяжелая. Своим детям и внукам я всегда ставила ее в пример. Мне кажется, что мои внуки тоже берут пример с меня. Не могу пока на них жаловаться.

9 мая 1945 г. мне было восемь лет, заканчивала первый класс. Но мы, дети военных лет, пережили очень тяжелое, голодное время и повзрослели раньше, чем сейчас наши внуки. Нам пришлось уже в шесть лет помогать матери – работали в колхозе, выполняли домашнюю работу. Матери наши работали от зари до зари, без выходных, а поздно вечером садились за прялки, делали пряжу, вязали варежки и носки, посылали на фронт.

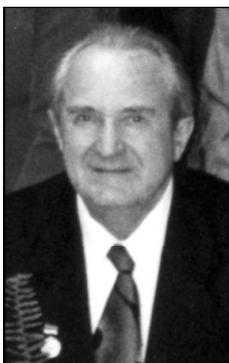
Девятого мая отменили занятия в школе. С утра до позднего вечера по радио передавали, что Германия капитулировала, а радиоприемники были не у всех – только в клубе, сельсовете. Вся деревня, старики, дети собрались около сельсовета, слушали, радовались и плакали. А вечером всех собрали в клубе, приехал кто-то из района и был митинг, потом танцы.

Эта война унесла столько жизней, в некоторых семьях погибли по три-четыре сына, погибли наши отцы, было столько горя, слез, умирали дети от туберкулеза и голода в больших семьях. Сейчас иногда подумаешь и удивляешься – как наши матери выносили эти трудности, воспитывали и учили своих детей в одиночку.

Г. Елисеева

* * *

День Победы 9 мая 1945 г. над фашистской Германией я встретил в родном селе Лойма Прилузского района Коми АССР. Мне было 12 лет, окончил четыре класса. Нам учительница сказала, что мы теперь взрослые самостоятельные люди. Девятого мая целый день я работал в лесу на заготовке дров. Под вечер вернулся домой, в деревне узнал, что кончилась война. Настроение у меня было радостное, но была и грусть. Почти из каждого дома мужчины ушли на фронт, большинство погибли, позднее узнал, что вернулись единицы. С 10 лет в летние каникулы работал в колхозе «VII съезд Советов» на сенокосе, весенних полевых работах, убор-

Николай Иванович
Иевлев

ке урожая. После окончания уроков в школе часто подменял мать, весной брался за конный плуг и пахал землю. Этим ремеслом владел в совершенстве. В период сенокоса в колхозе косил горбушей и участвовал в заготовке сена. В военные годы в колхозе выращивали много зерновых культур (пшеницу, овес, рожь) и лен. В те годы вся нагрузка в колхозе падала на женщин, которые выполняли основную работу, и на подростков-школьников. Вместе со школьниками я участвовал в уборке льна. Уже тогда возникал интерес к агрономической работе, который впоследствии осуществился.

к.с.-х.н. Н. Иевлев

* * *

Что я помню о войне? Моей военной Удоре?

Если конкретно, то в голову мне, в первую очередь, приходят воспоминания о появлении в нашей деревне Кривое инструктора-военрука. Он учит нас, совсем маленьких школьников, как рыть окопы, как прятаться в них, как ползать по-пластунски. Помню еще – мама учит нас с Милей, моей шестилетней сестрой, чесать и пряхть шерсть. Ее приносят к нам домой из промкомбината, и есть

какая-то норма на семью. Мы должны связать сколько-то пар рукавиц с тремя пальцами – чтобы солдату было удобно держать ружье и стрелять. Мы сначала осваиваем первую операцию – готовим шерсть. Потом вскоре наравне с мамой выполняем назначенную нам норму. Еще в связи с войной вспоминается лозунг «Все для фронта, все для победы!». Наша учительница дает нам задание собрать для солдат клюкву урожая прошлого года. Весна, кочки на болоте уже начинают освобождаться от снега. На них красные ягоды. Каждому нужно собрать, как ми-

нимум, пол-литра клюквы. Ноги мои мерзнут. Я босиком, а кое-где еще проглядывает лед...

Я помню также несчастных лошадей. Они едва держатся на ногах от слабости из-за голода. А взрослые и мы вместе с ними, 11-12-летние дети, обвязываем их веревками и помогаем встать... Потом, когда пойдет трава, все будет проще, а пока... Я иду рядом с бороной, подальше, чтобы борона, в случае если ее подбросит, не повредила бы мои босые ноги... Мне 12 лет. Помню и больных ящуром лошадей. Мой Воронко, с которым я некоторое время работаю (развожу, что прикажут), привык и не возражает, когда я, чтобы полечить его, вытаскиваю ему язык и смазываю его солью или купоросом.

Непрерывно вспоминается радость от обладания горсткой липких конфет-подушечек в наших с Милей ладошках и появления в морозном декабре предвоенного 1940-го незнакомца в проеме дверей нашей избы. То был наш отец, от звонка до звонка отсидевший пять лет...

Война. Воспоминания громоздятся одно на другое, и не сразуобразишь, что когда было, в какой последовательности. Плохо было так долго, что не поймешь, чья тут вина – войны или чего-нибудь еще.

Сейчас я часто думаю: моя теперешняя жизнь, наша жизнь – какая она? Мы сыты, обуты, одеты; есть крыша над головой. Лично я никогда еще не жила в таком достатке. Долго ли будет продолжаться такое блаженство? Библия (Святое Писание) говорит, что до прихода Христа осталось уже совсем недолго. И что там потом? Потому всегда твержу я себе – надо страдать, надо терпеть... и молюсь и благодарю Бога.

Если порыться в памяти, то можно, конечно, вспомнить и другие события, связанные с моим военным прошлым. Жила в глухой коми деревне Кривое, на Удоре. Вместе со всеми детьми и взрослыми участвовала в повседневной жизни колхоза. На его землях хорошо росли капуста, репа, брюква, картошка, озимая рожь. Почти в каждом личном подворье выращивали лен, радовавший нас изумительной красотой в пору цветения и служивший сырьем для получения собственного льняного полотна. Осталось только ощущение, что зимы в военные годы были значительно более суровые, а засуха и заморозки случались особенно часто.

Оттого недород и голод были почти неотъемлемой приметой того времени. Еще одна примечательная особенность тех лет: уж если заморозок побивал растения в поле, то и в лесу было пусто. Ни одного гриба! Голод так голод. Бедствие так бедствие. В такую пору если можно было не занимать нас, детей, чем-нибудь по хозяйству, мама старалась как можно дольше не будить нас – кормить было нечем! Хлеб, который давали на трудодни, съедался намного раньше, чем кончался год, и к началу нового мы уже брали зерно в долг. В деревне были случаи, когда люди умирали с голоду. Помню наши поиски мамухи – старой картошки, сохранившейся после зимы в земле. С благодарностью

Галина Ивановна
Калинина

вспоминаю всегда нашу тетку Агафью, которая в период посевной нет-нет да сунет в наши ладошки горсточку ржи. Тогда нам веселее топтать посеянное зерно... А пол-литра супа (из ржаной или ячневой муки) были верхом блаженства и странно, вроде бы давали ощущение сытости. Сахар – его мы не видели никогда. Соль всегда представляла собой большой дефицит. Наша мама специально выращивала в огороде табак-самосад, чтобы потом можно было обменять его на соль. За ней с рюкзаком за спиной не раз хаживал наш отец пешком за 80-100

км в Карпагоры.

Электричества не было и в помине. Керосиновая лампа, лучина сопровождали почти всю мою сознательную жизнь в деревне. Его не было и потом, вплоть до 1968 г. (в тот год я приезжала из Сыктывкара на похороны отца, и после городской жизни это ощущалось особенно остро). В 1975 г. мы хоронили маму. Свет включали только с 6 утра до 11 ночи.

С 13-14 лет я уже наравне со взрослыми участвовала в сенокосе на дальних угодьях. Уходили за много километров от дома, в Содзим, пешком, лесными тропами с узелками, в которые родители могли положить месячную норму муки, масла. Здесь в течение месяца мы от зари до зари заготавливали сено. Работали на славу! Труд был исключительно производительным! Несмотря на полчища оводов, комаров и прочего гнуса. От горбуши так уставали руки! Но жаловаться не умели. Спали вповалку в избушке без окон (спасались от комаров). Я все время боялась ящериц, которые сновали повсеместно. В жаркие дни купались в реке. Это была радость для всех. Чтобы работа лучше спорилась, высоко на стог сажали нашу певунью Анну. У нее был красивый сильный голос. Это и нам придавало силы. В короткие минуты отдыха пели все вместе. Это были преимущественно военные песни. Пели голодные, усталые люди. Но никогда не унывали. Эти годы навсегда остались в моей памяти. Могучая красота природы. Отвесные берега Содзима. Из-под земли булькает соленая вода... Безбрежные луга. Роскошная трава. Там было все: и горечь из-за удаленности от родительского дома, из-за неудобств и усталости. Но там была и радость от общения с редкостной красотой северного края, от причастности к общему большому делу.

Голод, неустроенность быта порождали массовую неграмотность сельского населения. В моей деревне Кривое существовала лишь начальная школа. Ближайшая неполная средняя школа была в 7 км, в Важгорте. Туда мы отправлялись пешком и оставались на неделю в интернате, расположенном, как и весь Важгорт, на болоте. Спали по двое на маленьких кроватях под байковым одеялом. Ощущение постоянного холода осталось в моей памяти о тех временах. Уроки готовили при свете лучины. Мальчишки хулиганили, часто бросали горящие лучины на тетради, поджигая их. У каждого был свой котелок, в котором удавалось до начала за-

нятий сварить мучной суп. Горсть ячневой муки вперемешку с ржаной. Все время хотелось есть! На самом деле настоящей учебой там и не пахло.

Еженедельные походы Кривое–Важгорт и обратно выматывали вконец. Приходилось пользоваться лодкой, чтобы переплыть Вашку. До лодки часто снимали обувь, и я совсем вышла из строя. Прочувшись полгода в Важгорте, я с сильной золотухой вернулась домой, где мама усиленно стала лечить меня дегтем. Другие дети тоже не выдерживали такие условия жизни и бросали учебу. Из моих сверстников до седьмого класса дошла я одна. Но и то – доучивалась уже в Кослане у тетки Марьи, где тоже была неполная средняя школа и где можно было жить не в интернате, а в домашних условиях. Надо сказать, и там мне было далеко не сладко. Дед, муж тетки Марьи, ни в какую не хотел, чтобы я жила у них, не давал учить уроки. Еле дождался, когда я закончила седьмой класс. Каждый раз на каникулы возвращалась в Кривое. Помню, как это было после окончания пятого класса. Жара, ручьи все пересохли. Напиться негде. Мы идем пешком втроем 11 км до Разгорта, 22 км до избушки (здесь ночуем). Потом 25 км до Вендинги, 15 км до Ертома (опять ночуем); 15 км до Коздинги, 10 км до деревни Ыб (опять ночуем); 22 км до Чирка (ночуем) и 17 км до Кривое. Всего 150 км, четыре дня в пути. Почти без еды. Наконец, дома! Мама в огороде окучивает картошку. Отец на дежурстве на промкомбинатовском заводе в Пасме. Десятилетняя Миля спит. Кормить нечем. Оставшуюся у меня горсть сухарей съели вместе.

Вспоминая военные годы, я не могу обойти стороной такое событие, как появление в нашей деревне ленинградской экспедиции. Нагрянули неожиданно на подводах, запряженных сильными выносливыми лошадьми, по глубокому мартовскому снегу в 1944 г. Мы с Милей были дома одни. Русский язык, мы, в отличие от другой детворы нашей деревни, знали неплохо. Это сразу понравилось нашим гостям. Мы быстро поставили чай, напоили баню. Отец с большой готовностью взял экспедицию на постой. Они разместили все свое снаряжение и оборудование в сарае. Сами же расположились в нашей большой комнате. Спали на полу в спальных мешках. Как стало ясно из их рассказов, они еще в доблокадные дни выехали с экспедицией из Ленинграда для выполнения какого-то государственного задания, да так вот и осели в Архангельской области в деревне Нюкча. Спят и видят, когда, наконец, вернутся в Ленинград. Квартировали у нас до лета 1944 г., наезжали несколькими отрядами. Начальник экспедиции Караваев путешествовал вместе с семьей. Были еще отряды Андрея

Полевого, Ани Васильевой, Марии Михайловны Юдиной. В нашем семейном альбоме сохранились фотография тех лет.

Чем они занимались, я сказать не могу. Знаю только, что они изучали лес. В моей памяти закрепились такие слова: «борметрия, визиры» (по всей вероятности, визиры). Отец живо интересовался, что они изучают, но прямого ответа не получил («Они мне не говорят»). С появлением у нас ленинградской экспедиции мы узнали, что такое манная каша! Хороший ржаной хлеб! Своим подружкам по деревне мы рассказывали, что ели манную кашу и как это вкусно.

В заключение этих своих записок хочу рассказать немного о своем отце. Когда грянула война, ему был 51 год. Он уже был не призывной. Тем не менее, по указанию правительства он сопровождал в уже почти блокадный Ленинград лошадей из нашей деревни. Отобрали лучших из лучших, подобрали сбрую. Своим ходом из Кривого доставили их в Айкино, оттуда в телячьих вагонах – до Ленинграда. Туда в то время была одна только дорога – через Ладожское озеро. Каким образом потом они вместе с лошадьми оказались в опустевшем городе, не понимали и те, к кому они были направлены. В Ленинграде всю сбрую с лошадью солдаты побросали, запрягли пулеметы и умчались. Отец видел самое начало того бедствия, в которое был свергнут Ленинград. Когда разгружали вагоны, несчастные мальчишки толпились около них в надежде получить хоть корочку хлеба; выбирали из конского навоза отдельные зерна овса. Не раз потом вспоминал об этом страшном времени наш отец.

Вообще он был неплохой рассказчик. Много помнил из своей прошлой жизни. В лихое военное время не раз вспоминал события не только из ближнего времени, но и из времен гражданской войны. В деревне за ним закрепилась кличка «студент». На самом деле он сверх своих трех лет обучения в школе учился в дореволюционном Великоустюжском пушно-меховом техникуме. В годы гражданской войны работал в Важгорте председателем волостной управы. Последовательно отстаивал свою приверженность при распределении хлеба голодным людям вне зависимости от того, кто они – белые или красные. Чуть однажды не поплатился за это своей головой. Много раз рассказывал нам один из таких эпизодов, так что мы знали его почти наизусть. Очень хотел, чтобы мы с Милей учились и стали людьми. Ненавидел неграмотность тогдашних руководителей колхоза и на этой почве зарабатывал себе неприятности. Вплоть до лишения свободы на пять лет. Но это уже тема для другого разговора.

Г. Калинина

* * *

В семье было семеро детей, три сына – Георгий, Иван и Николай и четыре дочери – Анна, Александра, Парасковья и я. Наши родители всегда были спокойны, трудолюбивы, всегда при деле. Мы никогда не слышали громких, грубых или плохих слов. Очень спокойно, доверительно, с большим терпением относились они к

детям, всех нас называли уменьшительными и ласковыми именами. Дома всегда было чисто, тепло, уютно, был порядок. Мама всегда приучала нас все вещи после прихода с улицы класть на место, грязную посуду не разрешала оставлять после еды. Мол, если оставите невымытой, то она переживает, плачет, ей неудобно, а если сразу вымоете, высушите полотенцем и поставите все на свои места, то она радуется вам и благодарит. Я так же говорила своим

сыновьям, а сейчас внукам. Родители нас воспитывали словом, лаской, вроде бы игрой. Каждый делал свое дело. Старшие братья и сестры помогали не только родителям и в колхозе, но и нам, младшим сестрам и братьям. В деревнях никогда не видели пьяного человека. Наш отец не курил, не пил. Из бересты делал пестери, туески, набирушки. У нас была балалайка. Играл и сам отец, и братья. Рассказывал нам сказки. Если не успевал сам, рассказывала мама и прядла или вязала рукавицы, носки. Они все время были заняты. Все делали для семьи.

Мой старший брат Георгий закончил Ульяновский сельскохозяйственный техникум, зоотехническое отделение, в 1938 г. Он получил направление на работу в с. Вьльгорт. Это был последний его приезд домой и последняя встреча с нами. Работая зоотехником в Вьльгорте, он отправил заявление в летное училище в Николаевск-на-Амуре. Был туда принят, закончил его и стал летчиком-испытателем. Там же был призван в армию. Лейтенант, служил на Дальнем Востоке, убит в 1945 г.

Моя старшая сестра Анна летом 1942 г. окончила тот же Ульяновский техникум и получила направление в село Лыаты Усть-Куломского района. Вместе с ней мама отправила и меня. Через год отец приехал за мной и увез домой. Осенью я пошла в первый класс. Учились, наверно, только первую четверть. Потом в школу перестали ходить, так как за вязание невода или сетей (не помню) стали давать карточки на хлеб (по 200 граммов). Мы с Пашей вязали каждый день, до весны. Под весну пригласили всех учащихся в школу с родителями. Сказали, что в сельсовете приняли решение детей днем кормить в школе, а вязанье прекратить, нужно заканчивать учебный год. Уже все дети чувствовали, что все это из-за войны. Жить стало очень плохо. Все были полуголодные и полураздетые.

Мучались не только люди, но и животные. Коров не могли держать из-за нехватки сена, или держали одну корову на две семьи. Нечем было кормить овец, а тем более свиней. От голода коровы не давали молока и даже не могли подняться. Наши мамы собирались с соседками и коров поднимали на вожжах, а сами плакали навзрыд. Участков для заготовки сена не давали. Мы, дети шести-семи лет, как-то серпами сжали траву вокруг колхозных полей, принесли в сарай, чтобы высушить на зиму, сколько сможем за лето. Но, видимо, узнали работники сельсовета, и наши запасы унесли на колхозный скотный двор. Мы не понимали, почему нельзя нам сжать траву вокруг полей, ведь эти травы уходят под снег... Из-за голода родители устраивали детей в лесопунктах няньками, так как на трудодни в колхозах зерно не давали. Оставляли только

Евдокия
Изосимовна
Пономарева

на семена, а остальное сдавали государству. Дети военных лет, особенно в селах, так и оставались малограмотными. Большинство даже не смогло получить начальное образование. В нашей семье выучили всех благодаря нашим родителям – великим труженикам, так как они воспитали очень дружную семью!

Наш отец был призван в трудовую армию. В селе Носим, близ райцентра Усть-Кулом, для солдат катали валенки. Домой он почти не приходил, работали без выходных, транспорта не было, толь-

ко пешком, а за опоздание могли посадить в тюрьму. На заработанное отец, если мог, старался купить что-нибудь съестное и отправить со знакомыми людьми домой. Наша мама-героиня всегда заботилась о нас. Она каждую весну увеличивала площадь приусадебного участка за счет целины.

Я, помню, проснулась, а ее нет, уже солнышко поднимается. Одеваюсь, иду, знаю, делает новые грядки, чтобы больше посадить овощей. Солнце поднимается, а она еще не ложилась. Говорит мне, мол, доченька, один весенний день год кормит. Вот закончу эту грядку и приду, затопим печку, будем готовить еду. Из-за ее усердия у нас всегда до следующего урожая были картофель, капуста, репа, редька, турнепс, морковь, лук, ягоды всякие, грибы сушеные и соленые. Не было у нас только хлеба, но летом его заменял зеленый лук. Мама не только получала отличный урожай овощей, но заботилась о семенах, а весной приглашала соседней-сельчан и всем, кто приходил, давала их по наперстку. Люди уговаривали ее, чтоб хоть для виду брала у них денег, но мама говорила, мол, ничего не нужно, только сажайте.

Брат Иван (1926 г.р.) очень сильно помогал родителям поднимать нас, младших. Он рано научился ловить рыбу, стрелять уток, зимой охотиться в лесу. Призывали его в армию, помню, как плакали, провожая его в Усть-Кулом на комиссию. Но его вернули обратно домой – не хватило у него роста, и мы были счастливы! Зато стал нас баловать рыбой и вкусной дичью.

Учиться нам всем помогла наша старшая сестра Анна. В нынешнем феврале ей исполнилось 83 года. Она до сих пор помогает словом и делом, помогает учиться и получать профессию внучатым племянникам и племянницам. Наша сестра Александра после окончания Усть-Вымского педучилища работала в библиотеке села и преподавала историю. Пока родители были живы, за ними ухаживала. Мы ей очень благодарны за то, что она очень терпеливо и внимательно относилась к ним.

Наш славный отец и мамуля, мать-героиня, воспитали нас так, что мы, братья и сестры, всегда нужны друг другу!

Е. Пономарева

После объявления войны мы сразу стали взрослыми. Сужу по себе – с шести лет «ни выходных, ни проходных». Вот мы под присмотром старенькой бабушки чистим наши заливные луга от мусора, едва сойдет с них вешняя вода... Вот трудимся

вместе со всеми на полях нашей Лоймы. Кто постарше, по мобилизационным листам направлен на лесозаготовки. Никто не вправе распоряжаться самим собой.

Моя старшая сестра Лида по окончании седьмого класса была в принудительном порядке мобилизована на курсы трактористов, хотя у нее было подано заявление на учебу в Сыктывкарское медучилище. За отказ от курсов трактористов она, четырнадцатилетняя девочка, была осуждена на четыре месяца лишения свободы и направлена пешком по этапу Лойма–Объячево–Сыктывкар в тюрьму! Там у нее в первый же день украли деньги и ножитки. Спустя 2,5 месяца ее освободили (справедливость восторжествовала!), и она вернулась в Лойму, преодолев тот же путь от Сыктывкара. Пешком, без обуви. Слезы лились градом потом при воспоминании о времени пребывания в тюрьме. По возвращении домой помогла маме убрать картошку, после чего ее сразу направили в лесопункт в 20 км от дома. Четырнадцатилетняя девочка возила на лошади дрова, не зная никакого отдыха. Едва вернулась с лесозаготовок, была вновь мобилизована на сплав леса по Лузе. И снова жизнь в бараках, вдали от дома... Потом сенокос, в 12 км от дома. Норма 75 га – один мужик и одна-две женщины. И, конечно, дети. Моя бедная сестра Лида! Она, несмотря на все выпавшие на нее в годы войны (да и после нее) нагрузки, еще здорова. Когда мне удастся навестить ее в моей родной Лойме, мы вспоминаем наше прошлое. Удивляемся, как еще мы после всего этого живы.

Отца моего забрали в армию в августе 1941 г. Хорошо помню этот день. Повестку принесли, когда он был на сенокосе (до того его понемногу готовили к армии – на пустыре рядом с церковью учили стрелять). Я возвращаюсь домой с коробкой (дедушкиного изготовления) малины – собирала ягоды. Мне шесть лет. Все плачут... Домой он уже не вернулся, погиб в декабре 1941 г. Мы остались с мамой – десятилетняя сестра, совершенно больная, я и мой пятилетний брат. Дедушку (по маминой линии) забрали в первые же дни после начала вой-

Галина Васильевна Тырышкина

ны и он сразу погиб. Дедушку по линии отца в армию не взяли (по возрасту). Он много помогал нам во всем – рыбачил, учил нас всему, что умел сам.

Косить меня мама научила, когда мне было семь-восемь лет. Стоговать вот только не могла – была слишком легкая, не хватало сил прижать сено. Мне нравился хорошо налаженный процесс сенокоса. Кто-то косит, кто-то скирдует. Мужики на точилах точат косы, женщины бруском подправляют, «лопатят горбушу». Нам, детям, порой тяжело. Просим отдохнуть. Куда там! Впереди зима, что-то

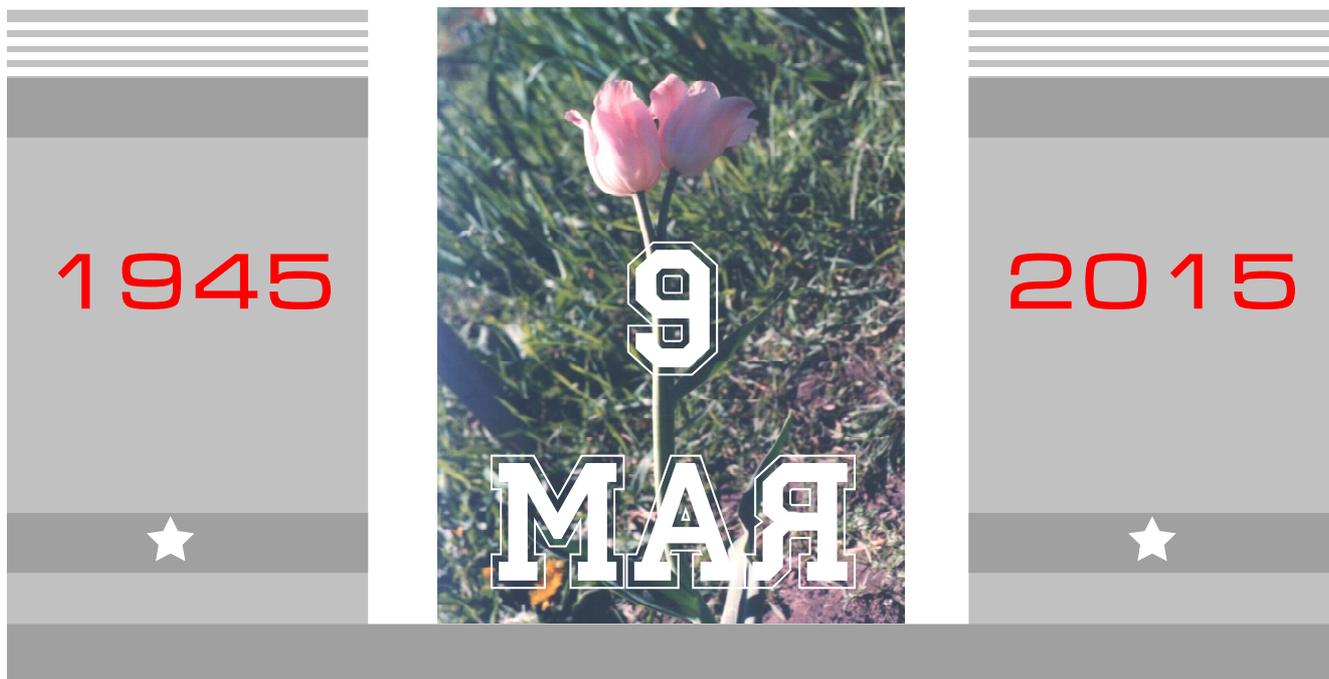
ведь надо будет кушать!

Мама моя была овощеводом. Я постоянно помогала ей с поливом. На плечах от коромысел навсегда остались отметины тех лет. Только и спую туда-сюда, все бегом. Мне нравилось быть в передовых. Мама была очень умелым работником. Хотя никогда не училась, часто помогала нам решать арифметические задачи. У нее, наверное, были способности к математике. И не только. Она умела делать все. Построила, например, собственными руками хлев для теленка. Муж моей сестры называл ее «инженером». Очень уважительно к ней относился. Говаривал бывало: «Теща мне лучше матери. Все понимает, все расскажет».

На полях что только не выращивали! Директором колхоза был мой дядя. Очень умелый хозяйственник! Уход за посадками был отменный. Приучал нас, детей, честно работать. Ни в коем случае не брать ничего колхозного. Пока на поле – ешьте сколько хотите, но домой – ни-ни! Осенью по окончании полевых работ на трудодни раздавали мед. Зимой организовывали подледный лов рыбы. Потом делили всем поровну. Жили дружно. Умели веселиться. Пацаны лихо играли на гармошке. В день Победы никто не работал. Пели.

С войны вернулись всего пять мужчин. Каждая семья недосчиталась, по крайней мере, трех мужчин.

Г. Тырышкина

ЮБИЛЕИ

25 мая отметила свой юбилей доктор технических наук, профессор, заведующая лабораторией биомониторинга **Тамара Яковлевна Ашихмина**.

Существует очень много различных наград и званий, должностей и титулов, которыми отмечают заслуги выдающихся людей, но не сосчитать таких наград и званий, которыми за годы своей работы удостоена Тамара Яковлевна Ашихмина. Конечно, для каждого ученого очень важно признание коллег. И такое признание имеет Тамара Яковлевна. Для каждого учителя важно признание его учеников. И такое признание от тысяч студентов и десятков аспирантов имеет Тамара Яковлевна. И есть признание народа, которое, наверное, является самым дорогим. Для жителей земли Вятской Тамара Яковлевна является одним из самых честных, бесстрашных, авторитетных людей в решении проблем Кировской области. Не случайно в 2014 г. она удостоена звания «Почетный гражданин города Кирова», звания, которое носят единицы в каждом регионе.

Листая страницы ее биографии, вчитываясь в скупые строки официальных характеристик о трудовой, научной, общественной деятельности Тамары Яковлевны, невозможно поверить в то, что это сделано одним человеком.

Чрезвычайно велики заслуги Т.Я. Ашихминой в развитии образования и науки в г. Кирове и России. Патриот Вятской земли, её уроженка, выпускница пединститута, прекрасный лектор, истинный ученый, она посвятила свою жизнь решению многих важных проблем города и области. Сотни учителей-химиков получали свои знания на лекциях и лабораторных занятиях профессора Т.Я. Ашихминой. Важнейшие экологические проблемы края разрабатывались и решались в работах профессора Т.Я. Ашихминой, её сотрудников и учеников, в том числе такие важные и для России в целом, как проблема уничтожения химического оружия. Её книга «Комплексный экологический мониторинг объектов хранения и уничтожения химического оружия» — практическое руководство для создания системы биомониторинга для всех объектов хранения и уничтожения химического оружия в России.

Впервые в Кировской области под руководством и по инициативе Т.Я. Ашихминой создана лаборатория биомониторинга, которая является структурным подразделением Института биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН и Вятского государственного гуманитарного университета. Лаборатория объединяет ученых также других вузов и НИИ г. Кирова, что позволяет решать многие важные научные задачи в области экологии, почвоведения, микробиологии, лесоведения, геоэкологии. Результаты научных исследований представляются на региональных, российских и международных конференциях, форумах, съездах, а также в сотнях научных публикаций и десятках монографий. Всё это значительно поднимает авторитет вятской науки на российском и международном уровне.

Существенный вклад в развитие экологической науки внес созданный Т.Я. Ашихминой общественно-научный журнал «Теоретическая и прикладная экология», главным редактором которого она является. Журнал получил большое научное признание, в нем публикуются работы крупнейших ученых страны. Журнал включен в перечень ведущих научных изданий России. Именно в этом журнале, включенном в перечень обязательных при публикации материалов, необходимых при защите кандидатских и докторских диссертаций, имеют возможность публиковать свои научные работы аспиранты и докторанты вузов России.

Принципиальный, честный, неравнодушный, бескорыстный, отзывчивый человек, всегда открытый новому и прогрессивному, Тамара Яковлевна хорошо известна жителям города своими выступлениями в печати, по радио и на телевидении по самым острым и злободневным вопросам города и области, по своей многогранной работе преподавателя, ученого, общественного деятеля. Такие люди, как она, и составляют золотой фонд нашей страны, нашего края.

Тамара Яковлевна обладает даром великолепного оратора, замечательного лектора, человека, который всегда отстаивает свои принципы. Она — истинный патриот своей страны, своего края. Мы, все, работающие в лаборатории биомониторинга Института биологии Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ, постоянно учимся у Тамары Яковлевны серьезному и ответственному отношению к делу, огромной работоспособности, гражданской позиции, житейской мудрости, честности, патриотизму. Удивительно, как много удалось сделать одному человеку. При этом она всегда с огромной благодарностью говорит о своих учителях, учениках, коллегах.

От всей души поздравляем Тамару Яковлевну с юбилеем. Надеемся, что ещё много-много лет наша жизнь будет озарена светом её щедрого сердца, блестящего ума, великого организаторского таланта. Мы благодарны Тамаре Яковлевне за счастье работать и дружить с ней.

Коллектив лаборатории биомониторинга
Института биологии Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ

ГОРОД НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Я очень не любил детские сады и пионерские лагеря и впервые в жизни согласился поехать с матерью в лагерь «Украинский Артек», который находился вблизи пос. Лузановка в 10 километрах от Одессы. Там были лучшие песчаные пляжи, на которые в выходные и праздничные летние дни устремлялась половина Одессы. Сам пионерский лагерь располагался в большом тенистом приморском парке и считался одним из лучших на Украине. Мне было уже 13 лет и четыре месяца и я чувствовал себя уже достаточно взрослым. Утром мы с матерью быстро собрали все необходимое для жизни в лагере и поехали в Лузановку, которая находилась на противоположной части города и ехать туда нужно было на трех трамвайных маршрутах с двумя пересадками и затем еще идти пешком около получаса. Погода стояла солнечная, народу в трамваях по случаю рабочего дня было еще немного и ехать было приятно. Не чуяла моя душа, что через две недели мы будем выбираться из этого приветливого лагеря в затемненном трамвае, заполненном тревожно настроенными людьми.

Необычные события начались в нашем лагере уже через три дня после моего появления в нем. Во время обеда от стола к столу поползли слухи, что у нас в парке, над спортивной площадкой, устанавливаются зенитные пушки, прожекторы, четырехствольные зенитные пулеметы и звукоуловители. Сначала все решили, что будут проводиться очередные учения, но вскоре увидели, что вооружение устанавливается капитально: заглубили в землю пушки, всю верхнюю площадку окружили забором из колючей проволоки, протянули туда телефонную линию. Все военные были одеты в морскую форму. По углам площадки находились навесы, под которыми стояли часовые с винтовками. <...> В течение ближайших дней на эти площадки стали на грузовиках завозить длин-

ные плоские ящики, окрашенные в темно-серый и зеленый цвета. Саму площадку, огороженную колючей проволокой, значительно расширили, вдоль забора установили еще несколько воинских палаток. На сворачивание учений это не было похоже. <...>

21 июня была суббота и назавтра ожидалось посещение пионеров их родителями. Это были веселые дни, когда нам перепало что-нибудь вкусенькое. К вечеру в лагере добавилась еще одна небольшая группа пионеров, которую разместили на большой застекленной веранде, примыкавшей к нашему корпусу. Отбой в тот день назначили рано (около восьми часов вечера) и предупредили, чтобы мы не зажигали без надобности свет. Спать никому не хотелось и мы рассказывали разные истории, лежа в кроватях в полной темноте. Вскоре многие, в том числе и я, уснули. Через пару часов меня разбудил мой сосед: «Смотри, что там делается!...». Я подошел к окну и увидел среди деревьев несколько ярких лучей прожекторов, которые столбами поднимались к небу и быстро скользили по редким белым облакам, то перекрещиваясь, то вновь разбегаясь друг от друга. <...>

Когда началась шквальная стрельба, то наши довольно ветхие лагерные корпуса затряслись, как бы готовые развалиться на части, с потолка посыпалась штукатурка, из окон выпало несколько стекол. Проснулся весь лагерь, мы метались от окна к окну и никакая сила не могла заставить нас лечь в кровати, хотя стрельба вскоре прекратилась. Самолеты пролетели над заливом в сторону военной гавани в городе, где также шла отчаянная стрельба, затем прошли назад в створе от наших зениток. Когда самолеты

Геннадий Михайлович Козубов

ты достигли военной гавани, оттуда донеслись звуки сильных взрывов, по всей вероятности, были сброшены несколько авиабомб. Мы все бегали за начальником лагеря, который отгонял нас от окон, и спрашивали его: «Это война? Это война?», но он только отмахивался от нас и убегал в женский корпус, где девочки дружно ревели. Среди нас человек 20-25 были из Западной Украи-

ны и Белоруссии, приехавшие из Львова, Равы-Русской, Бреста, Минска и других западных пограничных районов, где немцы в большинстве случаев вошли на нашу территорию уже в первые дни и даже часы войны. Утром после завтрака нас отпустили по палатам, но предупредили, чтобы никуда самовольно не отлучались. Видимо, руководство лагеря было в полной растерянности и не знало, что с нами делать в такой ситуации. <...>

В это время за нами прибежали двое ребят и сказали, что всех срочно собирают на площадке и через несколько минут по радио будут передавать срочное сообщение Советского Правительства. Мы побежали на площадку, где уже собрался весь наш лагерь, все пионервожатые и начальник. В полдень начал свое выступление перед советским народом В.М. Молотов. Говорил он приглушенно, но четко о том, что фашистская Германия нарушила свои же обещания, без объявления войны напала на Советский Союз и ранним утром 22 июня подвергла бомбардировке города Минск, Киев, Севастополь, Одессу и другие (за порядок перечисления городов не ручаюсь). Закончил он свое выступление ставшими впоследствии широко известными словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». После этого начальник

Геннадий Михайлович Козубов родился 5 февраля 1928 г. в г. Одесса. В 1949 г. после окончания школы он поступил в Львовский лесотехнический институт на второй курс лесохозяйственного факультета по специальности «лесное хозяйство», который закончил в 1953 г., получив диплом с отличием. Наука была его призванием, но путь к ней оказался непростым: старший лаборант на Лесоплодовой опытной станции Института ботаники Киргизского филиала АН СССР; старший инженер, заместитель директора Судайского леспромхоза комбината «Костромалес»; старший научный сотрудник Петрозаводской лесной опытной станции Ленинградского НИИ лесного хозяйства; аспирант-заочник Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова. Его научным руководителем был крупный ученый-дендролог Сергей Яковлевич Соколов. В процессе аспирантской работы Г.М. Козубов занимался исследованиями внутривидового разнообразия сосны обыкновенной в Север-Западном регионе, проводил ревизию таксономии этого полиморфного вида. После защиты кандидатской диссертации в Ботаническом институте АН СССР в апреле 1962 г. Геннадий Михайлович прошел все ступени научной карьеры от младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией в Институте леса Карельского филиала АН. В этот период много сил и энергии Геннадий Михайлович отдал развитию электронно-микроскопических исследований тонкой структуры вегетативных и репродуктивных органов хвойных растений. В 1971 г. Г.М. Козубов защитил в Красноярском институте леса и древесины им. В.Н. Сукачева докторскую диссертацию, которая была посвяще-

лагеря сказал, что сейчас в Одессе обсуждают судьбу нашего лагеря, а в городе уже введено военное положение. <...>

Начальник лагеря сообщил, что все пионеры из Одессы должны выехать из лагеря в течение двух дней – 23 и 24 июня, так как лагерь становится военным объектом и все гражданские лица должны его покинуть. Когда мы спросили, как быть тем, у кого нет денег на трамвай, нам ответили, что кондукторы детей из пионерлагеря провезут бесплатно. <...>

Где-то на полдороге до трамвая я встретил свою маму, которая уже шла за мной в лагерь. Мы повернули назад, к городу, и вскоре были уже на конечной остановке трамвая, где застали еще тот вагон, на котором мать приехала ко мне. Днем эти «пляжные» маршруты ходили редко. Пассажиров в вагоне оказалось немного, мы сели к открытому окну и вскоре двинулись в сторону города. Чем ближе мы подъезжали к городским окраинам, тем больше людей встречалось на улицах, в отдельных местах собирались группы из 10-15 человек, отсюда неслись грустные песни. По вагону прошел шепот: «В армию провожают или на фронт...». Реже встречались провожающие, распевая такие браваурные песни, как «Если завтра война», «На границе тучи ходят хмуро...», «Эх, тачанка...». На улицах появились молодые ребята «под газом», но их никто не осуждал и милиция к ним не придиралась. Наиболее мно-

голюдно было на Пересыпи, где располагались многочисленные промышленные предприятия. Домой мы добрались уже к вечеру, к семи-восьми часам, в сумерках. Нигде не виделось ни одной нормально горящей лампочки, только в отдельных местах тускло светились темно-синие маскировочные фонари, лампочки для которых все жители обязаны были приобрести еще за полгода до войны для включения их во время учебных тревог, которые в 1940-1941 гг. объявлялись довольно часто. <...>

Наш дом, в котором мы жили с матерью с 1933 по 1944 г., был построен в конце XIX в. Хозяином его был богатый владелец какой-то фирмы, торговавшей зерном. Дом был построен из добротного кирпича и украшен по фасаду оригинальным орнаментом. Он оказался хорошо приспособленным к возможным чрезвычайным ситуациям, которые возникали вскоре после начала войны. В центре двора имелась большая зацементированная цистерна, в которую можно было заливать воду из водопровода, а при необходимости – собирать дождевую. Емкость цистерны составляла около 15-17 тысяч десятилитровых ведер и запаса воды для 140 жильцов дома могло хватить на два с лишним месяца. Однако за все послереволюционное время эта цистерна ни разу не ремонтировалась, в ней появились трещины и происходила определенная утечка, но и при этом воды в ней хватало месяца на полтора (ежеднев-

ный расход воды – 10 литров на одного жильца). Кроме обычной канализации в доме имелись две бетонированные наружные уборные и душевая с довольно объемистыми баками – хозяин обладал, вероятно, даром предвидения возможных бед, ожидающих жителей города через 50 лет после постройки дома.

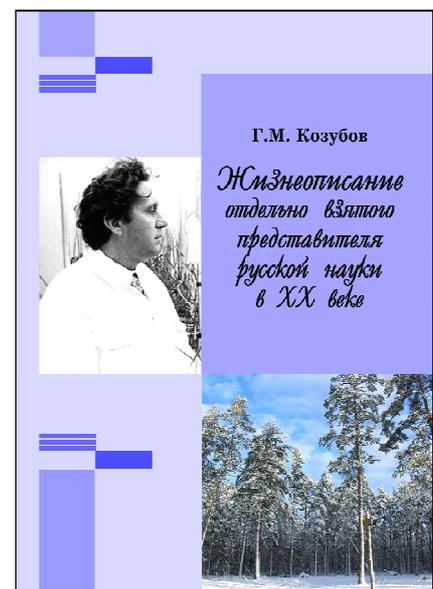
Большой неожиданностью для нас оказалось появление перед жителями дома весной 1942 г. молодого румынского офицера, который через дворника передал приказ всем жильцам дома собраться к пяти часам вечера для разговора с ним. Кирилловна, наш дворник, собрала кого могла. Когда наш гость появился перед жильцами, Кирилловна схватилась за сердце и упала перед ним на колени, причитая «батюшка ты наш... господи... господи...». Офицер поднял женщину с колен, а нам объяснил, что он сын бывшего хозяина этого дома. Далее сообщил, что немецко-румынское командование и городская управа Одессы вернули ему его собственность, но жить он в своем доме не будет и никого выселять не собирается, просто ему очень хотелось посмотреть на дом, в котором прошло его детство. По-русски он говорил свободно, прощаясь с нами, сказал: «Прошлого уже не вернуть». Больше мы никогда его не видели и ничего о нем не слышали...

Прошло уже три недели с начала войны, но в городе царил относительное спокойствие. Почти каждый день над Одессой летали самолеты-раз-

на морфо-физиологическим и электронно-микроскопическим исследованиям репродуктивной сферы сосны на Севере. За подготовку и издание «Атласа ультраструктуры растительных клеток» ему (совместно с сотрудниками БИН АН СССР М.Ф. Даниловой и А.Е. Васильевым) в 1972 г. была присуждена премия президиума АН СССР им. К.А. Тимирязева.

Геннадий Михайлович приложил много сил для развития комплексных морфо-физиологических исследований хвойных растений с использованием цито-эмбриологических, гистологических и электронно-микроскопических методов в разных институтах, в том числе Центральном НИИ лесной генетики и селекции, Институте биологии Якутского филиала АН СССР. В Республике Коми его научная деятельность начиналась в 1967 г., он был научным консультантом и руководителем нескольких аспирантов Института биологии Коми филиала АН СССР. В 1982 г. Г.М. Козубов принимает приглашение и переезжает из Львова в Сыктывкар, где возглавляет вновь организованный им отдел лесобиологических проблем Севера Института биологии вместо существующей лаборатории лесоведения и лесоводства. В 1983-1993 гг. по инициативе Геннадия Михайловича были выполнены исследования по весьма важным для республики научно-практическим темам: «Биолого-технологические основы создания лесосеменной базы в Коми АССР» и «Лес Коми АССР-2005». Г.М. Козубов был редактором-составителем фундаментальных монографических работ «Леса Республики Коми» и «Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми». В 2001 г. Геннадию Михайловичу в составе коллектива авторов этих книг была присуждена Государственная премия Республики Коми в области науки.

Под руководством и при непосредственном участии Г.М. Козубова в течение семи лет (1986-1990 гг.) проводились комплексные радиобиологические исследования лесов в районе аварии на Чернобыльской АЭС. Эти материалы были уникальны по своей значимости для лесоводства и лесного хозяйства Украины, Беларуси и России. Разработанные им предложения по стабилизации радиозологической обстановки в радиационно загрязненных лесах были одобрены правительственной комиссией и рекомендованы для использования в УССР, БССР и РСФСР. В сентябре 1996 г. он был награжден орденом Мужества, а в декабре 2007 г. Геннадию Михайловичу (совместно с А.И. Таскаевым) присуждена премия президиума УрО РАН им. Н.В. Тимофеева-Ресовского за цикл работ, опубликованных по материалам радиобиологических иссле-

ведчики, в том числе двухфюзеляжные «Фоккевульфы», прозванные в народе «рамами». Как правило, они летали на большой высоте и ограничивались сбрасыванием нескольких небольших бомб на территорию порта, хотя зенитки при этом вели по ним довольно интенсивный огонь. Вообще, за всю войну я ни разу не видел, чтобы наши зенитчики сбили хотя бы один самолет, так же, как и немецкие – наш. В «лучшем случае» немецкие летчики, не долетев до порта, сбрасывали весь свой боезапас на жилые дома. С военной точки зрения это приносило определенный успех, а с нашей (жителей этих домов), как говорили в Одессе – «это еще как посмотреть...». В первые месяца-полтора каждый вечер над центром города и вокруг портовой территории службы противовоздушной обороны поднимали в воздух сотни аэростатов, что выглядело с земли довольно впечатляюще, но эффективность их применения была небольшая и вскоре их перестали использовать.

Цель – разрушение города

Неудачи на фронтах вокруг Одессы привели немецкое командование к решению перейти к массированным бомбежкам, направленным на масштабное разрушение города. Первая такая атака была предпринята 19 июля 1941 г. в семь часов вечера. Был тихий солнечный закат, когда в небе стал «назревать» ранее не слышанный нами мощный гул. Когда мы поза-

дирали головы, то увидели, что почти все небо над нами было усеяно самолетами, в основном – «Юнкерсами-88». Их было много, только над нами я насчитал около полусотни. Вся эта смертоносная лавина неумолимо надвигалась на нас, а зенитки почему-то молчали. Кто-то начал утверждать, что это наши новые самолеты, но в этот момент загремели сразу сотни зенитных орудий и в небо понеслись очереди трассирующих пуль. В лучах заходящего солнца стало видно, как из самолетов посыпались черные черточки авиабомб, которые, покачиваясь, летели, как нам казалось, прямо на наши головы. В несколько минут все вокруг затянулось густым туманом из пороховых газов. Все бросились в первые попавшиеся укрытия, в основном в подвальные и полуподвальные коридоры. Грохот стоял такой, что даже рядом стоящего было не слышно. После каждого взрыва казалось, что стены и потолки над нами раскалываются, при этом с потолка сыпались куски штукатурки. Создалось впечатление, что люди были раздавлены этим адским грохотом, многие крестились, забыв, что это «большой грех»...

Весь этот ад длился минут 30-40, но мне показалось, что несколько часов. Неожиданно грохот затих, только изредка раздавались отдельные выстрелы зениток. Какое-то время в нашем полуподвале царил абсолютная тишина, и вдруг от одной из дверей оторвался и упал на пол почтовый ящик, которые тогда делали обычно из

дерева. Женщина, просидевшая под ним весь период бомбежки, вскрикнула и упала со скамейки на пол в обмороке – это была психологическая послестрессовая разрядка. Все встали и потихоньку начали выходить во двор. Уже были сумерки и все вокруг просматривалось как сквозь густой туман. Асфальт во дворе был засыпан мелкими ветками и листьями, сорванными с деревьев при взрывах бомб, с улицы доносились отдельные крики и шум машин. Выйдя из ворот нашего дома, мы обомлели – трехэтажного дома, который находился на другой стороне улицы ближе к порту, не было, а на его месте дымилась груда развалин. Недалеко от наших ворот посреди улицы темнела трехметровая воронка, а над ней торчали изогнутые обломки трамвайных рельсов. Возле нашего дома стоял «пень», оставшийся от чугунного трамвайного столба, срезанного как ножом крупным осколком бомбы. <...>

Вот уже почти 70 лет прошло с того момента, как перед моими глазами предстала эта страшная картина, но все ее подробности все еще прочно держатся в моей памяти. Как это могло случиться, что у нас, в Одессе, рвутся немецкие авиабомбы, проливается кровь наших людей, а мы сидим и дрожим от страха в подвалах? В душе все же была надежда, что мы себя еще покажем, что побегут и немцы, и румыны с нашей земли! С этого вечера немцы приступили к методичному разрушению города, особенно

дований в районе аварии на Чернобыльской АЭС (1986-1992 гг.). С 2006 г. Г.М. Козубов находился на пенсии, но продолжал заниматься наукой, несмотря на возникшие проблемы со здоровьем.

Много внимания и труда Г.М. Козубов уделял подготовке высококвалифицированных научных кадров – под его руководством защищены 15 кандидатских и три докторские диссертации. В течение семи лет он являлся председателем диссертационного совета Института биологии по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Геннадий Михайлович всю свою жизнь посвятил науке, изучению эволюции, эмбриологии и клеточной организации хвойных растений. Во многом благодаря его огромному труду в Институте биологии были созданы новые направления исследований. Научные труды Г.М. Козубова известны как у нас в стране, так и за рубежом. Он является автором и соавтором около 180 научных публикаций, в том числе 15 монографий. Научная и общественная деятельность Геннадия Михайловича отмечена почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР, медалью «Ветеран труда», почетными грамотами президиума АН СССР и Российской академии наук. В 1991 г. он удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Коми», а в 1996 г. – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В 2008 г. вышла в свет книга воспоминаний Г.М. Козубова «Жизнеописание отдельно взятого представителя русской науки в XX веке» (Сыктывкар, 2008. 400 с.). В ней в популярно-мемуарной форме приведено описание сложной и богатой событиями жизни Заслуженного деятеля науки РФ и Республики Коми, доктора биологических наук, профессора Г.М. Козубова. За свой 80-летний период жизни он пять лет проучился в довоенной пионерской школе, а с 1941 по 1944 г. в г. Одессе перенес 906 дней румыно-немецкой оккупации. В 16 лет получил тяжелую контузию, в результате которой потерял зрение на правый глаз.

В книге живым и легкодоступным языком изложены интересные, часто малоизвестные в наше время факты. Прочтя эту публикацию, любой читатель обогатит свой круг знаний о столь многообразном для всего нашего народа одновременно трагическом и радостном времени.

его припортовой части. Как только наступали сумерки, с неба начинали раздаваться характерные подвывающие звуки двигателей немецких бомбардировщиков, затем в бой вступали зенитные орудия и многоствольные пулеметы, по небу бесшумно скользили белые лучи прожекторов и на всю эту картину накладывался особый грохот рвущихся бомб. С каждым налетом в нашем районе появлялось все больше разрушенных домов, «скелетов» кирпичных зданий и груд досок, железа и мягкого камня, остающихся от домов из ракушняка даже при попадании в них сравнительно небольших 100-150-килограммовых авиабомб.

Первая, наиболее мощная бомбежка запомнилась мне на всю жизнь, но особенно часто, почти каждую ночь, мне снились авианалеты немцев в первый год оккупации Одессы. Настоящее понимание войны пришло ко мне именно после массированного удара по городу 19 июля 1941 г., и я осознал, что это беспощадная слепая сила, что здесь всем управляют случай и судьба. В последние дни июля и начале августа налеты немецкой авиации стали слабее и реже. Но новые печальные вести пришли с восточного направления – немцы захватили Николаев и с 5 августа полностью окружили Одессу. Началась блокада города, которая длилась по 16 октября, т.е. 72 дня. После начала блокады авианалеты продолжались в основном на стратегические объекты, главным образом на Одесский порт, через который шло снабжение войск боеприпасами и эвакуация раненых и населения из города.

Перед отъездом на фронт под Харьков дядя Сережа достал нам с матерью два талона для эвакуации из Одессы на лучший теплоход на Черном море – «Ленин», который покидал город последним и желающих попасть на него было не счесть. По условиям эвакуации каждому отъезжающему разрешалось взять с собой одно место багажа весом не более 20 кг. Погрузка на него начиналась поздно вечером, в 10 часов. Собрав свое барахлишко в два небольших узла, мы с матерью посидели перед дорогой и пошли в порт. В душе была пустота: куда мы едем, где будем жить голые и босые почти в полном смысле слова. Мать всю дорогу в порт тихонько плакала. Ночь была чернее сажи. От нашего дома до места посадки на теплоход было около получаса ходьбы. Еще когда до причала оставалось мет-

ров двести, послышался сплошной гул тысяч голосов, рассмотреть что-либо было трудно, но кое-где горели синие лампочки и вскоре стала различимой огромная толпа, состоящая из нескольких тысяч людей, всеми силами прорывающихся вдоль борта к месту посадки, с внешней стороны окруженная сплошной цепью моряков, вооруженных винтовками. Время от времени с причала в воду летели чьи-то пожитки, а иногда и сами неудачливые пассажиры...

Когда мы стали искать хвост очереди, то пришлось пройти около 100 метров. В конце стояли несколько моряков и курили, никто за нами очередь уже не занимал. Мы разговорились с охранниками, которые сообщили, что по их подсчетам людей в очереди в четыре-пять раз больше, чем может взять на борт теплоход, так что ждать бесполезно и в голове очереди вообще творится что-то невообразимое – морякам приходится особо воинственно настроенных эвакуированных сбрасывать с трапа прямо в воду... Услышав все это, я сказал матери: «Мама, пойдем лучше домой!». Мать удивленно спросила меня: «Ты не хочешь уезжать?». «Не хочу, совсем не хочу», – и слезы полились у меня из глаз. К тому же в городе оставалась наша тетка Женя, у которой заболел в это время ребенок и она не могла прийти проводить нас. «Ну, тогда пошли домой, я тоже не хочу куда-то ехать». С большой радостью мы повернули к дому. Моряки нас горячо поддержали: «Еще неизвестно, как доплывем до Новороссийска». Когда мы уже стали подниматься по дороге из порта, в районе погрузки на «Ленин» началась массированная стрельба из зенитных орудий, по небу забегали лучи прожекторов, над теплоходом зажглись шары осветительных ракет. Мы вернулись домой около 12 часов ночи, а к обеду следующего дня по городу разнеслась страшная весть, что «Ленин» к утру наскочил на мину и пошел ко дну с основной массой пассажиров. На нем эвакуировались из Одессы ученые, врачи, семьи партийных и советских работников, артисты (в том числе Леонид Утесов). От места крушения до берега было около 25 км, ни я, ни моя мать плавать совсем не умели. Так судьба нам дала еще один шанс выжить в той страшной «русской рулетке»...

Вскоре после нашего счастливого возвращения «из эвакуации» вышло обращение Одесского горсовета к жителям припортовых районов с

Бабушка Мария Анисимовна Козубова с дочерьми Аней (слева) и Олей (справа) в 1909 г. Мария Анисимовна умерла от чахотки в 1912 г. в возрасте 48 лет.

просьбой выехать из города в дачные поселки Большого Фонтана, где имелись пустующие домики, хозяева которых уже успели эвакуироваться. Районы Большого Фонтана почти не подвергались налетам немецкой авиации, хотя вскоре на их территорию начали залетать через линию фронта артиллерийские снаряды. Мы выбрали себе дачный домик, который был рассчитан на небольшую семью, и заняли только часть его: кухню с плитой и примыкающую к ней небольшую застекленную веранду. <...>

Анна Трофимовна Козубова – мать Геннадия Михайловича (Одесса, 1920 г.).

Вообще жизнь в окруженной Одессе шла своим чередом – без водопровода с пресной водой, без электричества в домах, в крайне ограниченных условиях обеспечения продуктами, при почти полном отсутствии топлива для примусов, керогазов и средств для освещения! Город жил и не терял своего особого одесского юмора. К августу 1941 г. были оккупированы уже почти вся западная часть Украины, вся Белоруссия, полностью отрезан Крымский полуостров. Почти вся румынская армия во главе с маршалом Антонеску, несколько механизированных дивизий немецкого вермахта при участии венгерских войск и итальянских частей топтались вокруг окруженного города, предпринимая чуть ли не ежедневные атаки на измотанные части Красной Армии и Черноморского флота. <...>

Тетка Женя всегда ухитрялась раздобыть что-нибудь полезное или вкусное в самых сложных условиях. Вот и сейчас она привезла с собой курочку и мы решили сварить ее к ужину. Несмотря на то, что лето уже клонилось к концу, погоды стояли жаркие, поэтому мы еще продолжали готовить еду на самодельной плите, которую я сложил в нескольких метрах от дачного домика. В качестве топлива употреблялись сухие уже травы и коровьи лепешки. Невдалеке от нас был рас-

положен небольшой хутор из пяти-шести домов, у хозяев которых имелся скот и его ежедневно гоняли на пастбу мимо нас, что создавало условия для сбора небольшого запаса «топлива». Курица вскоре была готова, и мать накрыла по такому случаю стол в пустующей, соседней с нашей, комнате. Кур своих в то время никто не продавал, так как было неизвестно, что ожидает всех в ближайшей перспективе. Пару дней назад слышалась довольно близкая артиллерийская стрельба, а затем вроде бы раздавались крики «Ура!». Все решили, что это наши части отгоняли врагов от города.

Стол застелили скатертью, поставили четыре тарелки, в которые разложили бульон и разложили куски курицы. Женя вытащила бутылку домашней наливки – «пир горой». Только мы (мама, Женя, городская девочка и я) сели за стол, как грохнули близкие выстрелы из наших соседей-гауниц. Вообще-то, обычно они «просыпались» во второй половине дня, что мы объясняли особенностями освещения, так как солнце садилось за морем сзади нас. Четыре крупнокалиберных снаряда пронеслись над нашими головами, а бульон стал выплескиваться из тарелок, чего никак нельзя было допустить. Мы начали быстро его хлебать, как вдруг прилетел «гос-

тинец» с той стороны – в 50 метрах от нашего дома взорвался снаряд, который вначале мы приняли за выстрел из гаубицы. Одновременно вылетело стекло из форточки и посыпалась штукатурка со стен и потолка. Все на миг замерли, и тут я увидел, что бульон в тарелке у Жени забурлил и из него пошел пар. Мать, а за ней и городская девочка мгновенно нырнули под кровать (она была массивная, железная), а я под стол. Тетка Женя вытащила из своей тарелки осколок снаряда сантиметров 5-6 в длину и как ни в чем ни бывало продолжила есть... <...>

После окружения Одессы бои вокруг города то приобретали ожесточенный характер и линия фронта приближалась к самым его окраинам, то несколько затихали, но в городе уже поползли слухи, что Одесса вскоре будет оставлена нашими войсками и что уже понемногу вывозят военную технику и отдельные воинские части. Мы старались не верить этому, но чувствовалось, что слухи эти не лишены основания. На побережье вдоль линии трамвая от восьмой до 16-й конечной станции стали исчезать зоны, запретные для прохода и ранее охраняемые красноармейскими постами. Стало ясно, что действительно идет эвакуация воинских частей из зоны окружения. Сердце сжималось при виде брошенных оборонительных сооружений вдоль берега моря...

906 ДНЕЙ В ОККУПАЦИИ

Уже в первых числах октября жизнь в городе стала заметно замедляться. В основном тревожили артиллерийские обстрелы, которые иногда сопровождались жертвами среди населения в разных частях города, в основном в районах, прилегающих к территории Одесского порта. В начале октября я собрался в город проведать нашу тетку Женю и когда вышел к магистрали, ведущей от Большого Фонтана к центру города и проходящей над крутыми берегами, то увидел вблизи прибрежной полосы большой военный корабль, возле которого находились несколько морских катеров, по всей вероятности, доставляющих на борт корабля какой-то груз. Обычно так близко к берегу в этих местах большие суда не подходили. Когда я вечером возвращался из города, то этого корабля уже не было.

Дня через два я еще раз наведалься в город, не помню по каким уж делам, и на обратном пути проходил по нескольким кварталам бывших военных казарм, которые были разрушены

при бомбежках в середине лета. На одной из уцелевших стен три или четыре моряка на большой высоте крупными буквами делали надпись: «Одесса – мы еще вернемся!». Сначала я не придавал этому значения, но вдруг меня как током пронзила мысль – они все-таки уходят! Как же мы? Нас бросают? Но ведь несколько дней назад в листовках, расклеенных по городу, писалось: «Одесса никогда не будет в руках фашистов!». Что же теперь действительно будет с нами? Слезы обиды и ненависти текли по моим щекам. Единственное, что грело душу – надежда на то, что это будет длиться недолго и вскоре Красная Армия погонит врагов с советской земли и будет бить их уже на их территории. Но что совсем невозможно было себе представить, так это то, что оккупация Одессы будет длиться девятьсот шесть дней, и мы, пережившие ее и все ужасные бомбежки, облавы, массовые казни будем вынуждены писать в своих временных удостоверениях и

анкетах – «находился в оккупации в Одессе с 1941 по 1944 г.»...

Первая встреча с оккупантами

Прошло несколько дней, ни я, ни моя мать со своей дачки никуда не уходили. Собирали поблизости горючие материалы, заклеивали окна и утепляли двери, так как зима ожидалась холодной. Находили что-то съедобное на заброшенных грядках. Хлебные магазины работали нерегулярно и отovarить имеющиеся талоны удавалось не каждый день. <...>

Прошло около трех недель, как мы оказались уже не в Советском Союзе, а на оккупированной территории. Первые недели оккупации мы с матерью жили, не выходя из дома, я просто не представлял себе – как буду смотреть фашистам в глаза и разговаривать с нашими злейшими врагами. Большинство домиков вокруг стояли пустые, во многих были выбиты стекла, поломаны окна и двери. Городские жители в основном вернулись домой, так как

бомбежки города прекратились, и у кого сохранились дома и квартиры, постарались побыстрее вернуться в них, пока их имущество не разграбили. К тому же погода наступила холодная, с сильными ветрами, главное, что люди все еще остерегались встреч с румынами и немцами, хотя в целом обстановка в городе была спокойной. Всех евреев заставили пройти регистрацию и нашить на рукава черные повязки с желтыми шестиугольными звездами. Одновременно объявили, что должны зарегистрироваться в полиции все коммунисты и комсомольцы, а также члены семей партийных работников. <...>

Новый порядок жизни

После первого месяца оккупации Одессы мы с матерью были в городе только один раз, примерно через две недели после моего попадания в массовую облаву, вызванную взрывом большого шестиэтажного здания НКВД на Маразлиевской улице, при котором погибли многие высшие чины союзных войск. Эта операция наших служб вызвала огромный отклик среди населения, но цена ее была – тысячи жизней ни в чем не повинных людей. На второй день после взрыва <...> по городу было задержано несколько тысяч коммунистов, комсомольцев, евреев, которых до этого дня особо не трогали. В ряде мест города были проведены публичные казни. После освобождения Одессы от оккупантов в городских газетах писали, что в те дни в Одессе были расстреляны, повешены и сожжены более 20 тысяч коммунистов, комсомольцев и евреев. <...>

К началу третьей недели 1942 г. наше посленовогоднее продовольственное изобилие было исчерпано полностью. На дворе все еще держались крепкие морозы и, встав утром с пустыми желудками, в ледяной комнате, мы с матерью совсем приуныли. Когда растопили печку, согрели кипятком и набрали кое-каких съедобных крох, на душе стало несколько легче, но каких-либо перспектив на ближайший период найти не могли... И вдруг раздался неожиданный стук в дверь, и в комнату вошел наш «ангел-спаситель». Это был довольно мрачного вида небритый мужик, лет 30-35, одетый в старую дырявую фуфайку. В руках у него был довольно объемистый узел. Он помолчал, а потом произнес: «Правду говорят, что вы умеете шить?». Мать ответила, что вообще-то шьет, но медленно. Тогда он развер-

нул свой узел и извлек из него почти новую шинель с большими выжженными дырами. Он рассказал, что ему не в чем ходить, кроме как в старой изношенной фуфайке, и попросил мать взяться за переделку шинели, чтобы укоротить ее, обрезать обгоревшие участки и сделать теплую ватную подкладку, а за работу он даст нам полмешка отборного ячменя.

Мать вообще ничего солидного, тем более из шинели, никогда не шила, но «голод не тетка» и она согласилась на предложение нашего гостя. Встал вопрос, как мы сумеем сотворить из ячменя что-либо маломальски съедобное? «Ангел» обещал дать нам во временное пользование медную ступку и старую, еще дореволюционную мельничку, используя которые можно получить из ячменя что-то вроде крупы, если перед этим обжарить его на сковороде. Мать поставила условие – вату на подкладку заказчик достает сам, а ячмень приносит немедленно. С этого заказа началась наша новая жизнь «кустарей-одиночек». <...>

Как ни свирепствовала необычайно холодная зима 1941/1942 г. в Одессе, весна стала брать свое. При ярком солнышке и теплом ветерке жить стало веселее. Мы с матерью поняли, что самый тяжелый период в нашей оккупационной жизни уже позади. В конце февраля на Большом Фонтане открылся хлебный магазин, в котором начали по спискам выдавать хлеб. На двух человек давали буханку формового хлеба на два дня. Позже в этом же магазине стали продавать пшено и иногда кукурузную муку. Жить стало легче, но для покупки продуктов необходимы были румынские леи, которые у нас появлялись чрезвычайно редко. Наши заказчики часто сами сидели без денег и рассчитывались за работу «натурой» – кукурузой, картошкой, иногда творогом, сметаной, однако в весьма скромных количествах, так как самим тоже нужны были продукты. Из такого положения необходимо было искать выход и мать занялась пошивом детской одежды из различных кусков ткани, остающихся у нас от пошива легкой одежды больших размеров, а также перешиванием некоторых своих платьев, которые сохранились в хорошем состоянии. Некоторую помощь нам оказывала тетка Женя, которая стала шить на дому легкие летние туфли. Эти весьма ненадежные источники дохода все же позволяли нам продолжать свое существование в жестоких условиях оккупации. <...>

С наступлением весны на отдельных дачах стали появляться жильцы, которых зимой здесь не было. Многие приезжали только из-за огородов и фруктовых садов, мы же твердо решили для себя, что на следующую зиму нужно выбирать в город. Нас звали в наш дом, где было еще несколько свободных комнат, но посторонних туда не пускали. В одной из таких полужаселенных квартир проживали мать с дочкой, которая училась в одном со мной классе, отец ее ушел на фронт и, как я узнал позднее, так и не вернулся. Во второй комнате тоже жили мать и дочь, на два года младше меня, а третья стояла пустая и нас пригласили перебраться в нее. Все три наши семьи раньше проживали в этом же доме, но в наиболее разрушенной его части. Мы с радостью приняли это предложение и начали понемногу благоустраивать комнату – она находилась в центре квартиры, была наиболее теплая, но очень темная. Кухня была большая, но воды в водопроводе не было, поэтому «удобства» находились в пристройке в нескольких метрах от входа в нашу квартиру.

Уже зимой 1942 г. три квартиры в нашем дворе немцы заняли под оружейные мастерские. В них жили и работали 10-12 пожилых немцев, которые относились к нам уважительно – при встрече обязательно кланялись и здоровались по-немецки. Однажды на ремонт к ним привезли скорострельную четырехствольную пушку, которая

Гена Козубов в пятом классе (5 ноября 1940 г.).

простояла возле крыльца более двух лет, да так и осталась до прихода наших войск. Присутствие немцев у нас во дворе было выгодно жильцам дома, так как румыны побаивались немцев и старались на глаза им не попадаться. Увидя во дворе зенитную пушку и немцев в их серой форме, они поскорее смывались оттуда, хотя были не прочь пожить тем, что «плохо лежит». Однажды, когда мы уже вернулись в наш родной дом, несколько румын пришли с проверкой у жильцов документов. Пока я доставал документы, один из них успел стащить со стола в кухне горящий примус, что я обнаружил только после их ухода. Примусы в то время были большим дефицитом и я побежал вслед за солдатами и тут же обнаружил пропажу в снегу у ворот. Примус был еще горячий, но я быстро отнес его домой.

Отношения между немцами и румынами были весьма натянутыми, особенно между офицерами. Немецкие солдаты и офицеры среднего звена были всегда аккуратно одеты, форма подогнана по фигуре, но особым шиком не отличалась, даже в частях СС. Наиболее шикарная форма была у немецких офицеров высшего звена. При встрече на улице немецкие офицеры и солдаты обязательно отдавали друг другу честь независимо от воинского звания. Румынские же офицеры и солдаты резко отличались друг от друга. Солдаты были одеты в зеле-

но-горчичную форму, на ногах носили ботинки и обмотки, брюки сзади у них всегда свисали, кители были помяты. Совершенно другое дело – румынские офицеры. Они одевались с иголки и сапоги всегда не просто блестели, а буквально сверкали, галифе, кители, рубашки всегда отглажены.

Я как-то спросил одного румына (многие из них, особенно из Молдавии и Бессарабии, хорошо говорили по-русски): почему они так отличаются от немцев, и он мне объяснил, что румынские офицеры – это богатые люди и у каждого из них было по два-три денщика. Некоторые из офицеров, постоянно служившие в Одессе, привезли с собой жен. Свою обслугу они сурово наказывали за малейшую провинность. Не раз я видел в городе, как в чем-то провинившегося солдата румынский офицер хлестал по щекам или стегал хлыстом, который многие из них носили с собой постоянно. Как правило, румынские офицеры никогда не отвечали на приветствия солдат. Зато наши девушки всегда отдавали предпочтение румынским солдатам. <...> Напротив нашего дома находились большие Сабанеевские казармы, построенные еще до революции. До войны летом, как только опускались сумерки, под окнами казарм начинали прогуливаться девицы, по две-три под руку, а из окон неслись призывные заигрывания красноармейцев. Подоб-

ную картину можно было наблюдать и в 1942 г., только вместо красноармейцев из окон высовывались головы румынских солдат. Жизнь продолжалась... <...>

Следует отметить, что условия оккупации в немецких и румынских зонах значительно различались. Одесская область вместе с Приднестровьем вошла в состав так называемой Транснистрии, центр которой находился в Одессе. В румынской зоне в ближайшие месяцы после ее организации начались процессы «дикой рыночной системы», весьма схожей с тем, что творилось в России в 90-х годах прошлого столетия в ельцинские годы. В немецкой зоне преобладал свой «орднунг», там сохранились все колхозы и госпредприятия, структура управления общественной жизнью была близкой к советской, но «без советов». В Одессе немцы не отдали румынам управление портом, железной дорогой, решение «еврейской проблемы», общее управление полицией и войсками. С середины 1943 г. вообще все ветви власти немецкое командование у румын забрало и попыталось навести в Транснистрии свой порядок, но было уже поздно... К началу 1944 г. наши войска уже вышли к границам Одесской области, был освобожден от оккупантов практически почти весь Крым. В начале ноября 1943 г. советские войска вошли в столицу Украины г. Киев.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОДЕССЫ

Осенью 1943 г. мы с матерью пошли проведать каких-то ее знакомых, которые жили вблизи самого большого рынка в Одессе – Привоза. Возле их дома имелась довольно просторная площадка, на которой обычно размещался транспорт, доставляющий на рынок различные продукты и промтовары, но в настоящее время пустующая и служившая местной ребятне футбольным полем. Пока мать вела свои разговоры с незнакомой мне старухой, я побежал на футбольную площадку, где шла отчаянная борьба за крупный футбольный мяч, набитый различным тряпьем. Только я подошел к играющим, как к площадке одна за другой стали подъезжать огромные дизельные машины «Маваг», кузова которых были покрыты брезентовым верхом. Игру пришлось прекратить. Когда мы подошли к ним поближе, то увидели, что все автомашины были покрыты толстым слоем пыли. Через

несколько минут брезенты были раскрыты и из них стали выпрыгивать немцы, также все усыпанные густой темной пылью. Белыми у солдат были только зубы.

Они стали отряхивать с себя пыль, но, увидев нас, подошли и начали спрашивать, где здесь есть вода, которую можно было пить. Возле Привоза как раз из водопроводных кранов шла питьевая вода. Услышав об этом, они очень обрадовались и стали просить показать им эти краны. Пацаны поменьше повели их к кранам с питьевой водой, а я, увидев на рукавах у немцев металлические бляхи со словом «Krim», стал расспрашивать их, что это означает – они едут в Крым или из него? Несколько немцев рассмеялись и сказали, что в 1942 г. они ехали туда без всяких значков, а теперь вот едут обратно, но уже со значками... Я вспомнил, в какой чистой и отглаженной форме они щеголяли по

Тетка Женя с дочкой Светланой (1945 г.).

Одессе в 1941 г. и как потрепанно выглядят сейчас, все черные и от загара, и от въевшейся в них пыли. Я понял, что колесо Фортуны повернулось для Германии в обратную сторону. А тем временем на площадку подъезжали все новые машины и число их превысило, на глаз, полсотни. Когда я, радостный, вбежал в квартиру, где мать уже беспокоилась, куда это я пропал, то сообщил приятную весть: «Немцы бегут, причем они из Крыма добрались уже до Одессы, а это ведь несколько сот километров!». Позднее, когда уже была освобождена Одесса, мы узнали, что немцы отчаянно сопротивлялись в Крыму, и полностью полуостров был очищен от оккупантов 9 мая 1944 г.

К концу 1943 г. стало ясно, что немцы готовят город к сдаче, но при этом у них был разработан план уничтожения наиболее важных промышленных предприятий и сооружений в городе, и особенно в его портовой части. Постепенно прекратили свое движение большинство трамвайных маршрутов, а силовые подстанции разрушились, из них вывозили наиболее ценное электрооборудование. Затем началось сплошное минирование телефонных сетей – в каждый люк закладывались толовые заряды. К моменту ухода из города немцы заминировали большинство промышленных предприятий. Так, возле нашего дома, в радиусе не больше 250-300 метров были заминированы, а затем взорваны и сожжены кабельная фабрика, полиграфическое предприятие, завод кожаных изделий, в начале и в конце каждого квартала взорваны люки с телефонной сетью. Но особенно свирепствовали немецкие саперы в одесском порту. Там взрывали причалы, были разрушены бетонный мол и входной маяк. Сплошь были взорваны все емкости в нефтеналивном порту. Там цистерны горели и взрывались в течение пяти-шести дней, причем клубы черного дыма и языки огня поднимались даже до облаков. Особенно хорошо были видны взрывы и пожары в порту с Греческого моста, который находился вблизи нашего дома.

Не были пощажены исторические памятники и здания культуры. Так, был заминирован знаменитый одесский оперный театр, полностью разрушен железнодорожный вокзал. Нашим подпольщикам все же удалось предотвратить взрыв оперного театра, но за два-три дня до полного ухода немцев из города наши доблестные летчицы из женского авиаполка все же нашли

достойный объект для бомбежки – оперный театр, и несколько «малогабаритных» бомб все же сбросили на него. Благо, к этому времени здание театра удалось уже разминировать, поэтому повреждения оказались незначительными. Непонятно только зачем вообще было бомбить городской центр, когда немцев там практически уже не было, что было хорошо известно нашему командованию. Длинные колонны немецкой техники потянулись и на северо-запад от Одессы. Весна 1944 г. была ранняя и многоводная, мощных дорог на юго-западе Украины было очень мало, а грунтовые дороги расплзлись в сплошное грязевое месиво, так что немецкой технике пришлось выбираться почти вплавь.

За пять дней до ухода из Одессы немецкое командование издало приказ, суть которого вряд ли была понятна даже самому коменданту города. Согласно этому приказу, в Одессе с 20 часов 5 апреля 1944 г. вводится особое военное положение. Всем жителям запрещается выходить из своих квартир в течение суток. Окна, входные двери в квартиры и двери внутри квартир должны быть открытыми в течение суток. Все жители домов должны подчиняться приказам представителей немецкой армии. Сопротивление этим приказам будет караться расстрелом на месте. Было непонятно – зачем держать открытыми окна, особенно на верхних этажах домов? Одесса всегда славилась самыми невероятными слухами, которые распространялись по городу со скоростью телеграмм-молний. После ознакомления с приведенным выше приказом, тут же появилось «пояснение», что на два-три дня город будет отдан на разграбление казакам, которые уходят из России вместе с немцами и власовцами, хотя до этого ни тех, ни других в городе не было видно. По другой версии, если наши бойцы нападут при отступлении на немцев, то население погонят вместе с немцами в качестве живого щита. Но в последние два дня до ухода из города немцев почти не было видно на улицах Одессы. На многих промышленных предприятиях продолжались пожары, изредка доносились отдельные взрывы.

Утро 9 апреля 1944 г. выдалось теплым и солнечным. С вечера почти никто не спал, так как ожидали каких-либо сюрпризов от немцев, но ночь прошла спокойно. Когда часов в семь утра наши жители стали понемногу собираться во дворе, наиболее храбрые старухи, приникшие к дыркам в

воротах, сообщили, что на улице появились бойцы, вероятно из Красной Армии, так как на пилотках у них были красные звезды, но при этом у всех на гимнастерках имелись погоны! То есть регалии царской армии! Часть жильцов посчитала, что это могут быть власовцы. Но в том, что это были русские, сомнений не было – даже через ворота доносился русский мат!

Решили, что нужно послать «в разведку» двух-трех старух. Они пробрались через разрушенную часть дома и вскоре прибежали с криками: «Наши это! Наши! У них уже два года как ввели в армии погоны!». После этих слов вся толпа бросилась на улицу. А там сплошным потоком шла наша родная Красная Армия. Но в каком виде! Описать это невозможно – нужно было видеть!

Во всю ширину проезжей части текла смесь людей в разнокалиберной военной форме, почти до пояса заляпанные подсохшей уже грязью. Некоторые из них были с карабинами, большинство с автоматами, рядом с ними невероятно грязные лошади тащили легкие артиллерийские орудия, тоже заляпанные жирным южно-украинским черноземом. Среди этого потока гордо возвышались с каким-то азиатским достоинством несколько верблюдов, тащивших небольшие пехотные орудия, сходные с трехдюймовками времен гражданской войны. У верблюдов не было грязи пожалуй только на их тощих горбах. Позднее бойцы рассказывали, что перед Одессой они попали в разлившиеся лиманы с топкой и липкой грязью (возможно, и целебной), но в тот момент совершенно непроходимой для всех видов техники, которую пришлось оставить с частью войск в этих «грязелечебницах», а добираться до Одессы по колено, а то и выше, в жидкой грязи.

Несмотря на такой непрезентабельный вид нашего воинства, женская половина населения буквально повисла на шеях уставших солдат, и, как правило, тремя поцелуями дело не оканчивалось – рыдания, слезы, объятия, смех – все сливалось в одном искреннем порыве! У нас во дворе как раз в это время зацвели тюльпаны и нарциссы. За несколько минут все они были сорваны и подарены нашим дорогим освободителям. Не верилось, что можно будет спокойно ходить по улицам и не бояться неожиданных облав, что мы опять «товарищи», а не «дамы и господа» в костюмах из парусины и деревянных босоножках, по-

лугольные и без гроша в кармане... Хотя, следует отметить, что нашлись все же желающие рвануть на запад вместе с нашими так называемыми «освободителями». Только из нашего дома две девушки и один парень быстро устроились в оккупантских управах и щеголяли по городу с красными повязками на рукавах, на которых четко смотрелась черная свастика. Сбежали и некоторые из известных врачей, артистов. Среди них оказался и Петр Лещенко, которому румыны отдали в пользование в 1942 г. театр Красной Армии. Однако почти всех этих «элементов» вскоре привезли назад в Одессу, особенно тех, кто бежал в Румынию. Большинство из них оставили в Одессе, а часть отправили далее на восток... <...>

Первой проблемой после возвращения Советской власти в Одессу явилось отсутствие денег. Румынские леи и немецкие марки сразу же были исключены из оборота, а в качестве основной и единой денежной единицы вновь стал наш родной, привычный нам рубль! Но в Одессе рубли с первых дней оккупации практически исчезли – румыны усиленно стали вводить в денежное обращение леи. Я сам видел, как детвора уже в конце 1941-го – начале 1942 г. играла на улицах с пачками советских денег. Существующий при оккупации рынок развалился в течение нескольких дней. Вернувшись в Одессу войска и представители восстанавливаемой структуры власти за несколько дней расхватали практически все, что продавалось на одесских рынках. У них были большие суммы советских денег, которых у нас не было вообще. Цены на рынках на большинство продуктов взлетели в десят-

ки, а то и сотни раз. Так, буханка хлеба на рынке стоила 100 руб., а по карточкам в магазине (госцена) – менее рубля. К сожалению, все считали, что как придут наши, то вернутся и старые цены. Но никто и не предполагал, насколько тяжелое положение со снабжением продовольствием сложилось в той части Советского Союза, которая не была в оккупации.

Прием на работу в городе начался на некоторые предприятия буквально с первых дней освобождения от оккупантов, однако в основном требовались специалисты-мужчины и молодежь. С первых же дней изгнания немцев и румынов начали активную работу и военкоматы, причем на учет ставили парней с 1927 г. рождения и трудоспособных мужчин до 50 лет, в том числе и тех, у кого до оккупации имелась «броня» от призыва на фронт. Женщинам же устроиться на работу было сложнее. Так, моя мать устроилась на временную работу благодаря еще довоенным связям. Меня также поставили на допризывный учет, и по достижению 17 лет должны были призвать в армию, т.е. в феврале 1945 г. Но неожиданная серьезная контузия и потеря зрения на правый глаз полностью, а на левый частично, изменили мою судьбу. Как говорится «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Третьей серьезной проблемой, кроме денежной и трудоустройства, была трудноразрешимая проблема жилья для населения, потерявшего свои квартиры во время интенсивных бомбежек и артобстрелов в 1941 г. Мы, я имею в виду население, находившееся в оккупации, не только перенесли постыдное чувство бесправия «людей второго сорта», но и оказались без

жилья и всяких надежд на его скорое получение, потерявшие все свое имущество и получившие вдобавок позорную кличку «бывший в оккупации». Никаких резервов для какого-то обеспечения своего существования у многих не было вообще... Забегая вперед, следует признать, что еще более катастрофическое положение сложилось после победы и возвращения с фронта миллионов демобилизованных, в том числе огромного количества инвалидов.

Но все это в будущем, хотя и не очень далеко, а пока вернемся в ликующую освобожденную Одессу. На третий день после изгнания фашистов был назначен торжественный салют, который, наверно, не имел себе равных за всю Великую Отечественную войну. На второй террасе Приморского бульвара были установлены не менее 30 орудий, которые стреляли боевыми снарядами через территорию порта, в открытое море, и после каждого залпа фонтаны разрывов поднимались далеко за молот и остатками бывшего входного одесского маяка. Грохот стоял неимоверный. В это же время на верхних аллеях бульвара проводился залповый выпуск тысяч цветных ракет, многие из которых медленно опускались на маленьких парашютиках. Все вокруг было затянуто клубами разноцветного дыма, а на землю сыпался «дождь» из несгоревших фрагментов многоцветных ракет. Многим, в том числе и мне, такой «подарок» влетел за воротник куртки и пока я сбрасывал ее с себя, он все же успел прожечь в ней небольшую дырку. Завершился этот «праздник огня» не менее бурными и веселыми танцами под духовые оркестры. Не верилось, что несколько дней назад мы со страхом ожидали конца света при отступлении фашистов, но Бог миловал нас за страдания наши... <...>

В конце мая, через три недели после освобождения города от оккупантов, в приемной комиссии химико-технологического техникума зашел разговор о том, что через три месяца – начало учебного года, нужно отремонтировать учебное здание и подготовить кабинеты для практических занятий, а у нас почти нет лабораторного оборудования. <...>

В то время положение в школах и вузах складывалось сверхкритическое. По школам и приемным комиссиям вузов носились вербовщики, которые обещали «золотые горы» поступившим именно в их вуз. Мы с моим другом как-то зашли в приемную ко-

На уроке химии в 10-м классе, 1946 год. Крайний справа – Г. Козубов.

миссию Одесского инженерно-строительного института. Там у нас был знаковый студент, который сообщил, что осталось всего полтора месяца до начала занятий, а заявлений от абитуриентов поступило всего 13, но для того, чтобы начать учебный год, требовалось набрать как минимум 300-350 студентов. Доходило до того, что некоторые вузы согласились зачислять школьников, окончивших до войны 5-6 классов, на подготовительные отделения с переводом через год-два на первый курс обучения без сдачи вступительных экзаменов. Но, несмотря на такой дефицит абитуриентов, в Институт инженеров морского флота был конкурс по пять-шесть человек на место, такой же высокий был барьер для поступления в медицинский институт, причем в медицинский пришли в основном одни девушки, которые в войну все же где-то как-то учились, но приемные комиссии старались как можно больше набрать в медвузы парней.

Большое значение для выбора вуза для поступающих имело наличие общежития, обеспечение форменной одеждой и питанием. Значительную часть поступающих в тот период составляли демобилизованные из армии

по ранению или хроническим болезням. В Одессе к моменту освобождения города от оккупантов около трети домов было разрушено, рабочих мест на первых порах было мало, к тому же через два месяца сняли ограничение для возвращения эвакуированного населения и в город хлынули потоки выехавших в 1941 г. в южные республики Советского Союза. При этом, если из города выезжала семья из двух-трех человек, то возвращались уже впятером-шестером! Многие квартиры выехавших в период оккупации были заселены теми горожанами, у которых были разрушены во время бомбежек дома и им негде было жить, а квартиры эвакуированных стояли пустые. В результате в городе начались междоусобные стычки, и тех, кто перенес все тяготы оккупации, приехавшие хозяева квартир просто выставляли на улицу! Для нас с матерью наступили тяжелые времена. Со дня на день мы со страхом ожидали возвращения хозяина. Но трудно было и вернувшемуся из Ташкента хозяину этой давно не отремонтированной темной квартирки. Его жена и две дочери ни за что не хотели уезжать из Одессы и впоследствии в один их первых дней 1942 г. немцы их арестовали и

вывезли в лагерь смерти, откуда они уже не вернулись.

Мать обратилась за помощью в райисполком, но там ей ответили, чтобы она самостоятельно искала свободную квартиру и чем-то помочь администрация города ей не может. Так как хозяин квартиры вернулся из эвакуации один, а в городе у него имелись родственники, которым вернули большие квартиры, то он согласился подождать несколько месяцев, пока мы что-нибудь подыщем для себя. «Попросили» из квартиры и нашу тетку Женю, хотя ей вскоре удалось вселиться в какой-то заброшенный подвал, где были две комнатки, кухня и одно маленькое окошко, так что приходилось круглые сутки жить при искусственном освещении. В этом «подземелье» ей с дочкой пришлось прожить более 10 лет.

Еще в конце апреля знакомые ребята предложили мне поступить на учебу в химико-технологический техникум с досдачей нескольких предметов за второй курс, затем через полгода сдать еще несколько предметов и перевестись на третий курс, т.е. за два с половиной года можно было получить среднее образование и поступить в вуз по тому же профилю. <...>

ПЕРЕЕЗД В ЗАПАДНУЮ УКРАИНУ

<...> Все было готово к выезду. У матери имелось направление из Одесского обкома ВКП(б), в котором говорилось, что она вместе с сыном командирована для постоянного проживания и устройства на работу в советских и административных органах в г. Станиславе. Это направление нам очень помогло в ряде случаев, и особенно в обеспечении проездными документами и продуктовыми талонами. Фактически же моя мать никогда в партии не состояла. Особенно нам импонировала после одесских мытарств приписка в конце направления «с гарантией предоставления благоустроенного жилья». <...>

Мы наконец-то подъехали к небольшому, но красивому вокзалу с довольно чистеньким перроном. Здесь нас встретили и отвезли в гостиницу, которая находилась в самом центре этого городка напротив бывшей ратуши. В 50-60 метрах от центральной площади располагался рынок (ярмарка). Знакомство с городом мы отложили на следующий день, а день приезда решили посвятить приведению себя в порядок и отдыху после полумесячного переезда по маршруту

Одесса—Киев—Львов—Станислав—Коломыя. Следующий день был воскресеньем и на ярмарке было полно народа. Наскоро позавтракав, мы с матерью отправились осваивать местные правила торговли, о которых нам уже кое-что сообщили. Прежде всего нас поразили необычайно низкие, по сравнению с Одессой, цены на продукты и обилие продаваемых «даров природы»: масло сливочное, сметана, творог, сыр домашний, мясо, особенно баранина, картофель разных сортов, большое разнообразие яблок, яйца, куры. Довольно много было на рынке различных изделий из дерева, в том числе красиво украшенных резным орнаментом и инкрустированных различными породами древесины.

На рынке прежде всего нужно было освоить местный вариант украинского языка, значительно обогащенного немецкими и польскими словами. Нужно было привыкнуть к бесконечному обращению «прошу пана» и «прошу пани». Жидкости измерялись в объемных и весовых единицах. Так, просьба налить кружку пива звучала так: «Прошу пана наляты гальбу пива» (от немецкого Halb – половина), а керосина –

«прошу пани, пивкиля нафты». Кроме одного и двух рублей в ходу была еще ценовая «единица» в полтора рубля, которая называлась «пивтрики». Яблоки продавались чаще всего на десятки. Масло сливочное продавалось в виде овального куска, завернутого в капустный лист, обязательно свежее, сбитое только накануне продажи. Вес его считался один фунт, хотя как правило проверить это было не на чем. В подобной «упаковке» продавался и творог. Здесь впервые мы увидели местное население – гуцулов, в национальной одежде. Многие мужчины были в шляпах, в белых длинных дмотканых рубахах и таких же штанах. Поверх рубахи надевалась безрукавка, считая из овечьих шкур. Вдоль бортов безрукавки шла довольно широкая полоса очень красивой вышивки, часто инкрустированной различными металлическими изделиями. Когда шел мокрый снег или дождь, безрукавку (которая называлась киптарик) выворачивали наизнанку, мехом наружу. Особенно ценились туфли (мешты), которые обычно по дороге гуцулы несли на перевязанных шнурках на плече, даже если на дороге лежал снег, и надева-

Митинг у городской ратуши в день выборов в Верховный Совет СССР (10 февраля 1946 г.).

ли их только перед самой ярмаркой. Обратное шли также босиком. Если же было очень холодно, то на ноги надевали белые шерстяные носки и поверх них подобие кожаных лаптей. При этом на ярмарку шли пешком даже за 30-35 километров.

Гуцулки также часто носили на голове фетровые шляпы, белые домотканые вышитые кофты, несколько нижних юбок (спидницы) и несколько красивых, покрытых яркой вышивкой запашок (полуубок), которые напоминали большие передники, запахивающие спереди и сзади. Следует отметить, что в те времена, когда мы приехали в Коломыю (сороковые годы XX века), нижнего белья гуцульские женщины не признавали. Весьма примечательно, что многие пожилые гу-

цулки курили небольшие, изящно изогнутые трубки. Как правило, гуцульские села были сильно растянуты, а усадьбы разбросаны по горным склонам. Вокруг домов часто имелись довольно большие сады, в основном яблоневые, реже из вишен и груш. На опушках леса встречались дикие черешня и груша. Черешня, как правило, была очень горькой, а груши можно было есть только после их опадения на землю (падалку).

Западно-украинский язык во многом отличался от восточно-украинского. Хотя я изучал украинский язык и литературу с первого по пятый класс, перечитал в детстве на украинском языке книг больше, чем на русском, первое время далеко не все понимал при общении с местным населением. Меня удивляло, что частица «ся» в местном языке могла свободно перемещаться при разговорной речи. Так, один из первых вопросов при встрече со знакомым человеком был «як ся маєшь?», т.е. «как себя чувствуешь?». До прихода русских в местном языке не было матерной ругани. Самым грубым ругательством было (пусть читатель меня извинит) «Твій батько злодій, а мама – курва». Слово «злодій» обозначало «вор», ну, а второе каждому русскому и так понятно. Любой учитель в школе величался как «пан профессор». Холостой мужчина, даже в возрасте 60-70 лет назывался «пан кавалер». Интересно, что у женщин могли быть и мужские имена: «пани Василина, Иванна, Степанида». Много слов было явно древнеславянского происхождения. Я постарался усвоить местный язык и вскоре мог свобод-

но объясняться на западно-украинском диалекте, но фонетика ряда слов не всегда удавалась. <...>

Все, как казалось мне, складывалось хорошо, но вечером к нам в комнату пришел сосед и принес трагическую новость: наш пограничный отряд, отправившийся на операцию в район села Космач (в 30 километрах от Коломыи) на двух автомашинах, попал в засаду и в живых осталось только несколько человек. Но самое трагичное состояло в том, что около 10 человек попали в плен к бандеровцам живыми. Их изувеченные тела привезли в город и поместили в одном из залов в горсовете. Один боец был сожжен заживо, и его тело было без головы, покрыто белой марлей. У другого бойца отрезаны нос и уши, а на груди вырезана большая звезда. Всего было выставлено шесть обезображенных трупов. Горком партии и военное командование решили показать погибших бойцов-пограничников работникам государственных учреждений, в том числе и ученикам старших классов Русской школы. На второй день нас привели на траурный митинг, после которого несчастные жертвы были похоронены в сквере в центре города, и весь гарнизон поклялся отомстить бандитам за издевательства над пленными бойцами.

Прошло две или три недели, как по городу разнесся слух, что около десятка бандитов были пойманы и на днях часть их будет публично казнена на базарной площади. Нам вскоре объявили, что через два дня четыре наиболее зловонных бандита будут казнены на рыночной площади через повешение, и ученики старших классов нашей школы будут при этом присутствовать. На следующий день на рынке стали рыть ямы для установки двух виселиц, каждая для двух бандитов. За день обе виселицы были установлены, торговые ряды вокруг них убраны. Напротив виселиц была установлена небольшая деревянная трибуна.

В 12 часов дня на нее поднялся член военного трибунала. Перед этим под обе виселицы задним ходом были подогнаны две грузовые машины с опущенными бортами, и по приставным лесенкам на них поднялись по два солдата на каждого осужденного, которых подвели под перекладыни виселицы и надели им на шею петли из толстых веревок. Руки у бандеровцев были связаны за спиной. Нас поставили впереди машин, а вся площадь была окружена несколькими рядами бойцов-пограничников. Член

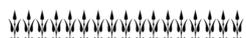
Голосую на своем избирательном участке впервые в жизни (5 февраля 1946 г. мне исполнилось 18 лет). На следующий день этот снимок был опубликован в городской газете.

трибунала зачитал постановление военно-полевого суда о приговоре к смертной казни участников бандитской расправы с военнослужащими Красной Армии. Раздалась громкая и частая барабанная дробь. Обе машины медленно поехали вперед, а все четыре бандита повисли, слегка рас-

качиваясь на веревках, с высунутыми языками. На груди у каждого из них висела табличка с надписью «Собаке – собачья смерть». Признаюсь честно, что в самый критический момент я закрыл глаза. Хотя я уже второй раз присутствовал на публичной казни, смотреть на последние секунды жиз-

ни человека мне все же не хотелось.

Когда барабанная дробь сменилась маршем, военные строем отправились в свои казармы, а мы поплелись в школу, где продолжали обсуждать только что увиденное. Все это происходило в середине февраля 1945 г. <...>

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О БРАТЕ

«Ах, война, что ты сделала, подлая...»

Б. Окуджава

15 октября 1942 года... Этот холодный, осенний день с темным, почти черным небом и ярко-красным закатом я сохранила в памяти на всю жизнь. В этот день в военном госпитале г. Архангельск умер мой брат Женя. В 17 лет он ушел в армию и в 17 же лет ушел из жизни. Женя скончался от перитонита, причиной которого стало прободения язвы желудка. Необходимых антибиотиков в те времена не было.

Впервые, в 13 лет, я столкнулась со смертью, впервые меня пронзили ужас и боль потери очень близкого мне человека...

Женю как родного брата я стала воспринимать вполне осознанно примерно с четырехлетнего возраста, а может быть, и еще раньше. Жили мы тогда в деревне Вохма Вологодской области, куда вынуждены были переехать с мамой с Северного Кавказа к родственникам, так как в 1932 году внезапно по ложному обвинению арестовали моего папу, Александра Николаевича Власова, работавшего тогда главным бухгалтером совхоза. Обстановка в стране, как известно, была в те времена тяжелая, и папа был оправдан лишь через пять лет, которые он провел в заключении на Свирьстрое в Ленинградской области.

Мы поселились в доме Зубовых, хозяин которого заведовал местной аптекой. Жили в одной комнате вместе с маминной младшей сестрой Ольгой Павловной, ее маленькой дочкой Ирочкой и дедушкой Павлом Васильевичем Антоновским – отцом моей мамы Лидии Павловны. В доме была большая кухня с русской печью, около которой по вечерам собирались наша семья и хозяйка дома. Мама, имея гимназическое образование, быстро освоила работу фармацевта, латынь и тоже стала работать в аптеке. Конечно, жизнь в деревне для нее была очень трудной как в моральном, так и в материальном

Татьяна
Александровна
Власова

отношении, но мы, дети, чувствуя теплоту и заботу не только мамы, но и ее сестер – Марии Павловны и ее дочерей Туси и Лили (живших отдельно от нас), Ольги Павловны и особенно дедушки, всегда были накормлены и веселы. Дедушка был не только мягким, добрым, но и очень хозяйственным человеком. Благодаря ему с небольшого огородика мы снимали много огурцов, помидоров и других овощей, а потом появилась и коза Милька, общая любимица, дававшая нам молоко.

Осенью 1932 года Женя пошел в первый класс деревенской школы и сразу подружился с местными ребятами, старался подражать им – носил простую из холста сумку, бегал босиком, ходил в лес и на рыбалку.

Очень любил Женю дедушка, который в значительной мере заменил ему отца, жившего в то время очень далеко от нас... Именно дед научил Женю любить физическую работу, уметь обращаться с нужными для дома инструментами, быть аккуратным и т.д. Теплоту дедушки чувствовала и я – он построил около дома маленькую избушку из досок – это был наш «дом», где мы любили, как все девчонки, играть в куклы, в «семью».

Уже в первые годы учебы в деревенской школе у Жени проявилась способность к рисованию, которая была сразу замечена его учителем (помню даже его имя и редкое отчество – Владимир Понсофьевич). Однажды он сказал маме, что Женя может стать большим художником, надо только учиться. Мама моя и сама прекрасно сознавала, что нам, детям, нужно образование, большой город, поэтому, кажется в 1934 году, мы все переехали в Архангельск. Нас приютила старшая сестра мамы – Анна Павловна Плешкова, добрейший человек, учительница младших классов. В семье Плешковых было шесть человек – Анна Павловна, ее муж Па-

Власова Татьяна Александровна в 1964-1986 г. работала младшим и старшим научным сотрудником в лаборатории ихтиологии и гидробиологии Института биологии Коми филиала АН СССР. Кандидат химических наук. Автор и соавтор более 40 публикаций, в том числе монографии.

вел Егорович, дочери Лена и Галя, сын Коля и бабушка – мать Павла Егоровича.

Жили мы все в трехкомнатной небольшой квартире в деревянном доме на берегу Северной Двины. Дома этого теперь уже нет, снесен, но милый сердцу адрес остался в памяти на всю жизнь – ул. Пролетарская, д. 1, кв. 11. Сохранилось в памяти и доброе, теплое отношение к нам с Женей со стороны прежде всего тети Анечки, как я звала сестру мамы, и ее детей. Старшей дочери Лене было в то время 17-18 лет, Коле – 14-15, а Гале, как и мне – пять-шесть лет. Жили мы дружно, в доме было много молодежи – друзей Лены и Коли, вечерами все садились за большой стол, ужинали, пили чай, разговаривали, шутили – я любила это время и всегда ждала вечера.

Маме – жене осужденного – было трудно устроиться на работу. Ей пришлось закончить курсы стенографии, и лишь после них она была принята на должность машинистки-стенографистки. Работала она очень много днем и, кроме того, в ночное время на различных заседаниях, которые были так характерны для середины тридцатых годов... Мы с Женей очень скучали без нее, особенно мне было тревожно и грустно, когда я просыпалась ночью, а мамы рядом не было. Именно мама обеспечила нам тогда безбедную жизнь, делая все, чтобы мы не чувствовали себя обделенными судьбой. Она успевала нам шить одежду, новогодние костюмы, вместе с родными украшала елку (мандарины и конфеты с елки казались особенно вкусными), учила нас делать новогодние игрушки, всегда приносила для всех детей что-нибудь вкусненькое...

Женя учился в школе № 4, расположенной на набережной Северной Двины около памятника Петру I. Учеба ему давалась легко, он не зубрил, не гнался за пятерками, много читал и продолжал рисовать. Мы с Женей очень любили книгу Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания» и особенно смеялись над тем эпизодом, когда Оська из крышки унитаза сделал раму для портрета царя Николая II...

В 1936 году вернулся из заключения папа, но вот встречи с ним я, к сожалению, не помню. Он с трудом устроился на должность бухгалтера в контору по учету утильсырья. Через некоторое время мы получили первое свое жилье – одну комнатку в квартире дома на Вологодской улице недалеко от кладбища. Деревянный дом стоял у самого болота – это была окраина города. Недалеко от дома были расположены бараки, в которых жили ссыльные.

Началась наша собственная семейная жизнь – отдельно от родных, близких людей. Именно в это время меня все больше стало тянуть к Жене, его интересы, игры, друзья становились и моими. Возможно, это объясняется тем, что мама и папа постоянно были на работе, а мы с Женей – дома, на

улице и всегда вместе. В 1937 году я пошла в первый класс, практически не зная букв и лишь смутно понимая, чего хотят от меня учителя... Лишь к концу года я почувствовала вкус к учебе и ста-

ла не только вникать в предметы, но и зубрить, как многие девчонки. Помню, я повторяла, заучивая: «Клюква растет на болоте...» Женя услышал, засмеялся и сказал: «Татьянка, посмотри – клюква растет около нашего дома». Он всегда называл меня Татьянкой, Танюшкой и никогда – просто Таней. Я не помню ни одного случая, чтобы мы поссорились, чтобы он сказал мне грубое слово. Никогда! Постепенно Женя стал доверять мне свои мальчишеские секреты, в чем-то советоваться со мной, а во мне рождалось удивительное чувство некоторой гордости, уважения и преданности ему. Я в любой момент готова была сделать для него все, что он просил.

В период жизни на Вологодской улице Жене подарили маленький фотоаппарат – «лейку» (помните, в песенке о военном корреспонденте: «С лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом...»). Он увлекся фотографией, а мне доставляло удовольствие помогать ему проявлять пленку, печатать, увеличивать, сушить фотографии и т.д. В финскую кампанию 1939 года все соседские ребята играли «в войну», невольно группируясь около Жени, который умел делать снежные крепости с бойницами, деревянные пистолеты, сабли и многое другое. Помню, на одной из сабель было выжжено с помощью лупы «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай». В «битвах» я участвовала обязательно и чаще всего была санитаркой – перевязывала «раненых» взятыми из дома бинтами.

Особенно предан Жене был мальчишка из соседнего барака – Толя Комков. Как-то маме сказали, что Толя – мелкий воришка и советовали отвадить его от нашего дома. К маме пришел отец Толи и попросил ее не разлучать сына с Женей, а потом что-то долго рассказывал о их жизни. Мама разрешила мальчику приходить к нам и вскоре случилось невероятное – парень перестал воровать. Какие беседы Женя вел с ним, чем заинтересовал и как отвлек его от этого занятия – я не знаю, но с воровством было покончено навсегда. Об этом рассказал маме сам Толя, когда, узнав о смерти Жени, разыскал нас (мы жили уже на другой квартире). Он сидел на стуле и, не стесняясь нас, горько плакал...

Летом 1939 года мы с Женей отдыхали в деревне Евсеево, расположенной недалеко от Чудского озера, вместе с маминной сестрой Серафимой Павловной и ее детьмилевой (моим ровесником) и Наташей. Прекрасно помню деревенский домик, сеновал, где мы спали и рассказывали друг другу «страшные» истории, баньку на пригорке, пологий спуск к уютной, тихой речке с густыми прибрежными зарослями. Женя в то время зачитывался «Тремя мушкетерами» – он поочередно был то Д'Артаньяном, то Атосом; Лева – Портосом, а я – просто «хозяйкой трактира» – баньки, где собирались «мушкетеры» и разрабатывали свои благородные планы.

Около домика, в котором мы жили, стояли скамеечка и столик. Вечерами мы часто там сидели, заводили патефон и слушали песни. Женя очень любил песню «Раскинулось море широко...».

В 1940 году наша семья наконец переехала в отдельную двухкомнатную квартиру – прекрасное место по улице Свободы, дом 4. Перед самым домом была набережная и открывался речной простор Северной Двины, который впоследствии так полюбил Женя... Жизнь наша начала налаживаться, мама даже мебель купила – шкаф-буфет, кровать. У Жени появилась отдельная маленькая комната. Он учился уже в девятом классе, я – в четвертом. Оба ходили в одну школу № 4. Мама работала в солидном учреждении – «Экспортлес», папа – в Северном управлении речного пароходства (СУРП) и очень часто ездил с ревизиями в командировки.

Мы стали выписывать много журналов («Вокруг света», «Огонек», «Пионер», «Искусство кино» и др.), к тому же мама всегда приносила книги из библиотеки «Экспортлеса». Для меня она брала книги Бианки, Чурушина, стараясь, видимо, привить мне любовь к животным, а я все чаще и чаще заглядывала в те книги, что читал Женя. Так незаметно я стала приобщаться к литературе девятнадцатого века. Очень полюбила книгу Гроссмана об А. Пушкине из серии «Жизнь замечательных людей». Женя читал очень много и я старалась поспевать за ним. Далеко не все понимала, но мне уже было не так интересно читать Кассиля, Гайдара, даже Жюль Верна – я взялась за «Анну Каренину» Толстого, «Сестру Керри» Драйзера, «Дело Артамоновых» Горького и еще за очень многое, что лежало на столе Жени.

К нам домой почти каждый день приходили друзья Жени из 9б класса. В классе его любили, это было видно даже по отношению ко мне. До сих пор помню имена и фамилии всех самых близких его друзей: Юра Зернов, Боря Медников, Вавка Раменский, Аркаша Воробьев, Леня Леонтьев, Володя Гоерц. Приходили и девочки – Лена Бауман, Валя Большакова, Вера Разина... Как хорошо было в присутствии этих красивых, веселых, остроумных и добрых ребят, как хотелось скорее стать взрослой и похожей на них! Друзья, как правило, уходили в комнату Жени и там, сидя на дедушкином старинном сундуке, вели бесконечные разговоры, шутили, смеялись. Юра Зернов играл на гитаре и пел, запомнились слова и мелодия песни на стихи Есенина: «Ты меня не любишь, не жалеешь...». Иногда слышалось шарканье ног – ребята учились танцевать.

Много лет спустя Лена Бауман признавалась нам с мамой, что самые счастливые в ее жизни были часы, проведенные «на сундуке» в кругу друзей из 9б класса рядом с Женей. Леночке – тоненькой девушке с густыми светлыми, золотистого оттенка волосами, очень нравился Женя. Девичье увлечение Лены позже перерастет в глубокое чувство к Жене, которому она осталась верна до конца своей жизни. На протяжении пятидесяти лет Лена останется другом не только нашей семьи, но и наших родных, близких людей. Более того, когда она 14 октября 1991 года в Архангельске ушла из жизни, сохранилась связь с ее сестрой Таней Бауман и самой близкой подругой Тamarой Кокушиной и ее детьми, ко-

торые и сейчас живут в Архангельске и чтут светлую память о Лене и Жене.

Волею судьбы мне удалось увидеть Леночку в последний раз 12 октября 1991 года, когда она лежала в больнице после второго инфаркта. Она держалась молодцом, мы планировали очередную встречу в Сыктывкаре...

Однако вернемся в 1940 год. Он был светлым и счастливым для нашей семьи. Мы ходили в гости к семье Плешковых, в праздники у мамы на голубой скатерти всегда лежали ароматные булочки и пирожки, мы посещали театры, цирк, я бегала на каток и очень любила Театр юного зрителя, где шли прекрасные пьесы Шиллера и Шекспира и играл замечательный молодой актер Сергей Лукьянов, впоследствии ставший известным всей стране. Женя полюбил Северную Двину и часто вместе с Аркашей Воробьевым уезжал на левый берег с ночевкой на рыбалку, в лес за грибами. Зимой любил кататься на лыжах. Вся наша семья увлекалась кино и, конечно, мы не пропускали ни одного нового фильма. Женя любил «Большую жизнь», «Танкер «Дербент», «Петра I», «Александра Невского», а ранее, будучи еще мальчиком – «Чапаева». Он даже подражал главному герою «Большой жизни» – жизнерадостному Ване Курскому, роль которого исполнял талантливый и обаятельный актер Петр Алейников.

Так и хочется написать о том добром для нас предвоенном времени: «Нам бы жить и жить, сквозь годы мчась...», как сказал В. Маяковский в одном из известных стихотворений.

О начале войны с Германией мы услышали по радио рано утром 22 июня 1941 года. Папа, мама и Женя слушали молча. Я что-то хотела спросить, но вразумительный вопрос не получился, и я тоже замолчала. Кажется, мама первая очнулась от этого известия и попросила меня сходить в магазин за солью. Я помчалась в гастроном на углу улиц Свободы и Павлина Виноградова. Открыв дверь, я оторопела – магазин был набит народом и гудел, как огромный улей. Кто первый, кто последний – ничего не понять, все рвутся к прилавку, невозможно ни к кому обратиться и узнать что-либо. Я растерялась и выбежала из гастронома, так и не купив соли. Мама меня поняла и ничего не сказала. Вот таким мне запомнился первый день войны.

Однако жизнь продолжалась, но она была уже другой и становилась все тревожней и тяжелее. Сводки о военных действиях слушали с болью в душе, особенно мрачным становился папа, когда сообщали о сдаче нашими войсками городов...

Женя после окончания девятого класса вместе с ребятами уехал работать в колхоз. От него мы получали бодрые письма с остроумными описаниями колхозного быта – эти письма благодаря маме сохранились до сих пор. Из колхоза он приехал радостный, возбужденный с честно заработанным мешком картошки. Для нас это было замечательным подспорьем – с продуктами становилось все хуже и хуже. Были введены карточки на хлеб и не-

которые другие продукты, удлинен рабочий день и, кажется, в конце 1941 года начались учебные тревоги.

В десятом классе у Жени возрос интерес к кино, он стал серьезно относиться к кинематографии и самостоятельно принял решение стать оператором. Женя понимал, что для осуществления своего желания надо пройти путь, начиная с азов, и поступил на работу в качестве помощника киномеханика в кинотеатр «Эдиссон». Так в 17 лет началась его трудовая биография, которая, кстати, обеспечивала и трудовую, более высокую норму хлеба по карточке. А голод становился все ощутимее... Вместо картошки мы довольствовались теперь очистками, я ходила в столовую с судками за жидким супчиком и киселем с сахарином и красителем. Особенно начал страдать от голода папа, он буквально все, что можно было потом съесть, промывал, сушил, жарил, сохранял.

Нас «уплотнили». Около нашего дома находилась военно-морской штаб Архангельска, поэтому в маленькую комнатку Жени поселили заместителя начальника штаба генерала Гаврилова, семья которого должна была приехать из Ленинграда. В один из вечеров он пришел из штаба и сказал, что при переправе через Ладожское озеро его семья погибла. Убитый горем, он редко появлялся дома и был всегда погружен в свои думы. И вдруг в один из зимних дней появляется вся его семья – жена Вера Георгиевна, сын Борис 14 лет и девятилетняя дочка Ниночка! Оказалось, что сообщение о их гибели было ошибочным – погибла совсем другая семья...

Мы были искренне рады такому «воскрешению», теперь в Жениной комнатке стало шумно и весело. Несмотря на общую тесноту, жили дружно. Вера Георгиевна, добрая женщина, старалась нас чем-нибудь отблагодарить из «штабного» пайка, так как мама стирала белье генерала, а я гладила. Однако этого было слишком мало для семьи. Мама устроилась работать официанткой в столовой и стала сдавать кровь — доноров в день сдачи крови хорошо кормили и, кажется, еще что-то давали домой. В одно время она вместе с моей старшей двоюродной сестрой Леной Плешковой работала в медицинском институте в лаборатории по изготовлению из хвои витамина С. Мы все пили очень горький напиток, который спасал от цинги, однако голод давал о себе знать все сильнее: Женя очень похудел, у папы начали опухать ноги, я пару раз падала в обморок, а мама стала тоненькой, как тростиночка... Вера Георгиевна очень уважала Женю, жалела его, но он держался с таким достоинством, что, по ее словам, она стеснялась предложить ему какую-нибудь еду.

В нашей квартире была довольно большая кладовка, полки которой были в основном заполнены нашими журналами и газетами, но на некоторых

стояли банки и лежали продукты Гавриловых. Я запомнила поразившее меня эмалированное зеленое ведро, наполненное сливами в сахарном сиропе! Это было в то время, когда ежедневная норма

хлеба по карточке иждивенца (т.е. меня) была 150 грамм (в Ленинграде – 125 грамм).

Однако наша жизнь вовсе не была одним сплошным голодным существованием. Именно зимой 1941-1942 годов и весной, когда Женя заканчивал десятый класс, мы с мамой очень любили ходить в кино на сеансы, когда фильм показывал («катил») Женя. Он не раз в шутку говорил нам: «Вот потом когда-нибудь будете смотреть фильм и увидите – «Оператор Евгений Власов». Мы верили в это и в его мечту поступить в Институт кинематографии.

В 1942 году вышел на экраны фильм Ю. Райзмана и Е. Габриловича «Машенька» – прекрасная лента об истории любви чистой, непосредственной девушки и обаятельного Алеши в период финской войны. Жене очень нравился этот фильм, он, видимо, что-то очень важное открыл в нем для себя, а я – девчонка – буквально влюбилась в Валентину Караваеву и Михаила Кузнецова, игравших главные роли.

Мама всегда ждала Женю после вечерних сеансов, узнавала его шаги, встречала его. Я слышала, как они потом подолгу разговаривали, что-то обсуждали и понимала, что мама и Женя не просто мать и сын, но и большие, близкие друзья... Женя и меня не оставлял без внимания – в буфете он обустроил мой «кукольный дом», часто рисовал шуточные рисунки для меня, оформлял стенгазету «Пионер» и главное – доверял некоторые свои «тайны». Одной из «тайн» было написание им и его другом Аркашей Воробьевым двух рукописей под названием «Сквозь призму» и «Сиреневый цветок». Настоящей тайной осталось содержание этих рукописей, так как найти их, к великому сожалению, не удалось. И еще у Жени явно были артистические способности. Сохранились кадрики, сделанные Аркашей, где он изображен «в роли» рабочего, интеллигента-дипломата, мужика с гармошкой и даже какого-то японского офицера с револьвером. Конечно, все это было ребяческой забавой, но ведь и Аркаша, имея тоже склонность к актерству, стал артистом и впоследствии неплохо играл на сцене Архангельского драматического театра. Теперь, прожив более шестидесяти лет после того времени, я понимаю, что Женя, одаренный от природы мальчик, уже в 17 лет был сформировавшимся в своих интересах человеком, цельной натурой, и у него могло быть интересное и большое будущее – будь это живопись, кино или литература. Я не побоюсь предположить, что Женя мог бы быть рядом со своими сверстниками, прошедшими войну, но оставшимися в живых и сказавшими свое честное слово в литературе и киноискусстве. Я имею в виду любимых мною Виктора Астафьева, Бориса Васильева, Григория Чухрая, Булат Окуджаву...

Вернемся к 1942 году. Женя, как и все ребята из 10б класса, был взят в армию, в саперные войска, летом, практически сразу после выпускного вечера. Как точно сказал Булат Окуджава:

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая,
Стали тихими наши дворы.
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры.*

*На пороге едва помаячили
И ушли за солдатом солдат.
До свидания, мальчишки, мальчишки,
Постарайтесь вернуться назад...*

Эта песня о семнадцатилетних, о Жене, поэтому она всегда со мной. Уходя из дома, прощаясь с нами, он, увидев тревожное лицо мамы, надвинул кепочку на глаза и сказал: «Что ты, мама, все будет нормально».

После ухода Жени в армию мной овладело тревожное, тягостное чувство, слезы как будто душили меня. Я ревела каждый день и, чтобы никто этого не видел, уходила в кладовку или в туалет и давала волю слезам. Что со мной было? Тревога, тоска по брату, предчувствие беды – не знаю...

В августе, насколько я помню, немцы впервые бомбили Архангельск. Фугасные бомбы попали в продовольственные склады на улице Чумбарова-Лучинского, в дом № 7 по ул. Свободы, стоявший почти напротив нашего дома, вспыхнули пожары и в других районах города. У нас вылетели стекла, в квартире гулял ветер. Женя, уже будучи в армии, находился тогда в городе на тушении пожаров. Одна

из бомб попала в машину с военными, среди погибших оказался и товарищ Жени – Леня Леонтьев. Это была первая жертва войны из 10б класса.

Маму послали на разборку завалов сгоревших продовольственных складов. Разбиравшим разрешалось есть все, что было еще съедобно, вплоть до шоколада, но уносить с собой было нельзя. Мама каким-то образом все же принесла несколько обгоревших шоколадных плиток.

Бомбежки продолжались. Об их начале извещали по радио: «Говорит штаб МПВО г. Архангельска. Воздушная тревога, воздушная тревога...». Однажды диктор, видимо, немного опоздавший с сообщением о налете бомбардировщиков, испуганным, взволнованным голосом затараторил: «Говорит воздушная тревога, говорит воздушная тревога...». Мы с мамой даже в такой тревожный момент рассмеялись, но как всегда, захватив альбом с фотографиями, документы, немного хлеба и почему-то полотенце, побежали к набережной, где располагались бомбоубежища – «щели». Щелями они назывались видимо потому, что и сами, и вход в бомбоубежища были очень узкими. Естественно, такие убежища

ЮБИЛЕИ

От всей души поздравляем дорогую **Ольгу Владимировну Ермакову!** В конце весны, когда природа оживает, появляются первые цветы и весело неугомонно щебечут птицы, ласкаемые еще не частыми, но уже настойчивыми лучами солнца, мы будем праздновать Ваш юбилей, прекрасная женщина! В день Вашего рождения мы хотим сказать Вам о своих чувствах! В отделе радиоэкологии Вы работаете с 1979 г., постепенно продвигаясь по карьерной лестнице от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника. За это время Вы стали признанным специалистом в области радиоэкологии и радиобиологии. С помощью широкого арсенала методов Вы активно занимаетесь изучением закономерностей и выявлением механизмов формирования биологических эффектов в популяциях животных на радиоактивно загрязненных территориях и достигли в этом большого успеха. Вы с удовольствием ездите в экспедиции по Республике Коми и в 30-километровую зону аварии на Чернобыльской АЭС, где проводили мониторинговые исследования, и результаты этих выездов были особенно ценными для радиоэкологии – на свет появились две монографии и большое количество научных статей. Важными для понимания процессов, наблюдаемых в природе, были экспериментальные исследования, которым Вы уделяете особое внимание в своей исследовательской деятельности. Накопленный многолетний научный материал, плодотворная разработка сложнейших вопросов и развитие новых представлений о структурных перестройках периферических эндокринных желез мышевидных грызунов в условиях хронического облучения в малых дозах позволили блестяще защитить докторскую диссертацию. Вы никогда не довольствовались достигнутым и продолжаете изучать одну из самых сложных проблем современной радиобиологии – проблему малых доз радиации в различных ее проявлениях. Являясь руководителем научной группы, Вы вдохновляете коллег на исследования, помогаете им в выборе средств для эффективного решения поставленных задач, с удовольствием передаете знания молодому поколению. В последнее время Вас особенно интересуют процессы клеточной пролиферации, приобретенный научный опыт позволяет взглянуть на решение этой проблемы с разных точек зрения.

Мы ценим Вас, дорогая Ольга Владимировна, не только как высококвалифицированного специалиста, но и как отзывчивого, доброжелательного, всегда готового помочь человека. Вы замечательная женщина, в которой многогранно проявляются все стороны женского начала – надежный друг, нежная жена, заботливая мать и мудрая бабушка.

*От всей души поздравляем Вас с юбилеем!
Желаем Вам сохранить на долгие годы неиссякаемую энергию, житейский опыт, инициативу и упорство в достижении намеченных целей!*

Ваши радиобиологи

не спасали людей от гибели при прямом попадании фугасной бомбы, но могли уберечь от воздушной волны при ее взрыве. В убежище все сидели тихо, тесно прижавшись друг к другу на длинных деревянных скамейках, и вслушивались в завывание летящих фугасок. Звук этот помню до сих пор и даже могу воспроизвести... По силе завывания и взрыва определяли примерное место попадания бомбы и тихонько обсуждали возможные последствия. Почему-то в памяти у меня не осталось ощущения сильного страха, когда мы находились в бомбоубежище. Больше запомнились скопища длинноногих белесых пауков на потолке, которые свисали гроз-

дьями и могли упасть за шиворот. Вот это и было для меня самым страшным!

Папа, если не был в командировке, во время воздушной тревоги всегда дежурил на крыше дома и тушил «зажигалки», т.е. зажигательные бомбы, которые наносили большой ущерб деревянным строениям Архангельска. После одной из бомбежек мы с мамой пробрались к тому месту, где на тушении пожара был и Женя. Как это удалось сделать – не помню, но в памяти остался сам Женя – бодрый, оживленный и гордый тем, что он занят очень нужным делом. Эта была моя последняя встреча с братом...

ЮБИЛЕИ

3 мая 2015 г. отметила свой знаменательный юбилей **Надежда Васильевна Портнягина**, доцент, кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник отдела Ботанический сад Института биологии.

В Институт биологии на работу Надежда Васильевна поступила сразу после окончания Сыктывкарского государственного университета в 1977 г. и на сегодня ее трудовой стаж составляет 38 лет. За этот период ею пройден большой путь творческой научно-исследовательской работы в области интродукции полезных растений от старшего лаборанта-исследователя до старшего научного сотрудника. Вначале творческого пути тематикой ее исследований была интродукция кормовых видов растений.

Далее была учеба в заочной аспирантуре в Ленинградском сельскохозяйственном институте (ныне СПбГАУ) и закономерный итог активного профессионального роста – успешная защита кандидатской диссертации в 1989 г. на тему «Особенности возделывания и режимы использования овсяницы тростниковой в условиях среднетаежной подзоны северо-востока Нечерноземья».

Накопленный профессионализм, активная жизненная позиция способствовали тому, что в 1992 г. она стала ответственным исполнителем нового направления исследований в отделе Ботанический сад – изучения видового разнообразия лекарственных растений. Благодаря энтузиазму, увлеченности темой Надеждой Васильевной с коллегами была создана и сохраняется большая коллекция живых растений, 140 видов (1800 образцов), относящихся к 60 родам и 33 семействам. На основе всестороннего изучения зимостойкости, морфологии, онтогенеза, биологии семян, продуктивности сырья были выделены наиболее важные показатели для возделывания лекарственных видов в условиях Севера – это накопление сырьевой фитомассы, содержание в ней ценных биологически активных веществ и репродуктивные способности. В результате первичного интродукционного изучения были выявлены 56 видов лекарственных растений, перспективных для выращивания в условиях Севера. Для 18 наиболее устойчивых видов разработаны агротехнические способы возделывания на сырье и семена, что позволяет рекомендовать их для введения в культуру.

Она является автором и соавтором более 100 научных трудов, в том числе девяти монографий, внесших значительный вклад в биологическую и сельскохозяйственную науку. Помимо госбюджетных тем, многократно участвовала в выполнении исследований по программам Президиума РАН, грантовым темам.

На определенном этапе трудовой биографии она три года работала по совместительству в должности старшего преподавателя кафедры ботаники КГПИ и проводила занятия по курсу «Прикладная биология». В 2003 г. ей присвоено ученое звание доцента по специальности «ботаника». Большие творческие усилия ее связаны с редактированием совместных публикаций и научных работ коллег, наставничеством молодых сотрудников.

За успехи в труде и активную общественную деятельность в отделе И институте Надежда Васильевна имеет благодарности и награждена почетными грамотами Института биологии (2002), Уральского отделения РАН (1999), Почетной грамотой Президиума РАН и Профсоюза РАН (2005).

Коллегам юбиляра всегда импонируют ее жизнелюбие, творческий поиск, стремление объединить коллег и двигаться к чему-то новому, душевность и отзывчивость.

Дорогая Надежда Васильевна!

Мы сердечно поздравляем Вас с юбилеем и желаем крепкого здоровья, новых творческих планов и успехов, семейного благополучия и счастья!

Коллеги

Уничтожение продовольственных складов усугубило и без того голодное положение Архангельска. С улиц стали исчезать кошки, собаки. У нас кто-то похитил нашу кошку Кику, мама сказала, что ее съели. Однажды пришла к нам Мария Михайловна Леонтьева – мать погибшего Лени. Она сказала, что пришлось расстаться со своей собакой и принесла нам в подарок кусок мяса. Мы были благодарны ей.

В сентябре маму отправили в одну из деревень на заготовку грибов и ягод. Я поехала с ней, так как из-за бомбежек уроки в школе часто отменялись. Жили мы в деревне у какой-то женщины и ежедневно ходили в лес. Принесенные грибы и ягоды сдавали в приемный пункт. С некоторых пор со мной стало твориться что-то странное, о чем я боялась сказать маме. Я ходила по лесу, искала грибы и вдруг передо мной прямо на земле, на мху, на опавших листьях возникали, а потом исчезали, как блики, слова «Женя умер... Женя умер... Женя умер...». Я тихонько плакала, но маме ничего не говорила.

И вот однажды приносят маме телеграмму из госпиталя, в которой запрашивают разрешение, согласие на операцию Жене по поводу перитонита. Прочитав ее, я не удивилась, как будто знала, что так и будет. Только помню, подумала: «Вот и все...».

На телеграмму мы ответили согласием и срочно выехали в город. Папа уже ждал нас с нетерпением. Жене сделали две операции, молодой организм боролся 18 дней, но общее заражение предотвратить не удалось – слишком поздно привезли его в госпиталь, упустили время...

День 15 октября я помню по часам, он как будто впечатался в мою память. Мама с утра была в госпитале, я ее ждала. Около четырех часов дня пришел к нам дядя Паша (муж тети Анечки), который

должен был сообщить мне о смерти Жени, но сделать этого не смог. Сказал лишь, что мама у них дома и просила меня прийти. Мы пошли вместе по набережной на Пролетарскую, дядя Паша молчал, я уже все поняла, но сказать что-нибудь не могла. Дверь открыла мама, я бросилась к ней и, услышав ее слова «Все там будем...», упала в обморок. Ночью мы лежали вместе на кровати, я засыпала тяжелым сном на несколько минут, потом просыпалась от ужаса случившегося, плакала и говорила маме, что буду стараться быть ей другом, как Женя...

Женю похоронили на только что открытом военном кладбище около улицы Урицкого, писать о похоронах не могу – нет у меня таких слов, которые могли бы выразить наше состояние в тот день.

Смерть Жени потрясла всех нас, мы очень изменились: мама машинально ходила на работу, порою в юбке, надетой наизнанку, я замкнулась и плакала даже на уроках, состояние папы было критическим – он опух от голода и сильно болел на нервной почве. Его друзья предложили ему переехать в Коми, в затон «Красный водник», где еще было неплохо с продуктами и главное – была картошка. Благодаря сотрудникам СУРПа папа перебрался в затон и вскоре занял должность главного бухгалтера затона. Мы с мамой остались одни.

Я научилась колоть дрова для плиты и печки, и это стало моей постоянной обязанностью. Мне нравилась эта работа, только слова соседок по дому отзывались в сердце горечью и болью: «Вот брата-то нет, приходится тебе, девчонке, самой колоть...».

Неожиданно из Ижевска вернулась Леночка Буман и, узнав о смерти Жени, сразу пришла к нам. Мы с ней проговорили и проплакали до глубокой ночи... Оказалось, что в Ижевске она поступила в медицинский институт, но учиться там не смогла. Ее терзали постоянные тревожные мысли о Жене,

ЮБИЛЕИ

В 2015 г. отмечает юбилей **Григорий Яковлевич Кантор** – научный сотрудник лаборатории биомониторинга Института биологии Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ. Григорий Яковлевич работает в лаборатории со времени ее образования – более 20 лет. По специальности он физик, но будучи человеком высокообразованным, обладая энциклопедическими знаниями, пытливым умом и техническими навыками, в лаборатории, ориентированной в основном на биологические направления науки, Григорий Яковлевич прочно занял ведущее место. Он проводит самостоятельные исследования, а также является соавтором работ всех специалистов лаборатории. Его способность грамотно и достоверно обрабатывать результаты химических и биологических анализов, выявлять закономерности и особенности явлений, находить технические решения для выполнения измерений в природных средах позволила существенно поднять уровень экспериментальных исследований лаборатории. Хотелось бы отметить замечательные человеческие качества Григория Яковлевича. Он интеллигентный человек, который может общаться с людьми любых сословий. Он всегда находит общий язык со студентами и аспирантами и поддерживает тех представителей молодого поколения, которые искренне и честно пытаются найти свое место в науке. Круг интересов Григория Яковлевича весьма широкий. Он любит литературу, музыку, занимается строительством, садоводством. Вместе с супругой они воспитали замечательных детей. Хочется пожелать ему здоровья, удачи и поблагодарить его от имени всей лаборатории за бескорыстный, многогранный труд.

предчувствие беды – она не выдержала и вернулась в Архангельск. Нас так объединило общее горе, что Лена на некоторое время переехала к нам, стараясь смягчить состояние мамы, помочь ей. Лена навсегда стала родным человеком для нашей семьи.

А жизнь продолжалась... Ежедневно, как и при Жене, мы слушали радио, огорчались неудачам на фронте, радовались, когда Левитан сообщил об освобождении наших городов, успешных операциях советских войск, любили военные песни, запоминая их на всю жизнь. Лена училась в Архангельском медицинском институте. Между тем от папы из затона приходили очень грустные письма. В одном из них он сообщил, что по состоянию здоровья ему дали инвалидность и что без нас с мамой он жить не сможет.

В августе 1943 года мы были вынуждены покинуть Архангельск, расстаться с родными и Леночкой, с любимой квартиркой на ул. Свободы... Уезжали на пароходе, с болью вглядываясь в очертания знакомых зданий, прощаясь с любимой набережной... Мама молча смотрела в сторону госпиталя, и один Бог знает, о чем она думала и что творилось в ее душе! Она очень любила Архангельск, но не это было главным – она оставляла здесь самое дорогое для сердца матери – сына...

После нашего приезда в затон папа воспрял духом. Кроме того, в августе нам с мамой удалось собрать на лугах в Алешино столько белых грибов, что стало ясно – от голода мы не умрем. Ежедневно по вечерам папа сушил эти грибы в русской печке, надевая их на лучинки. Он стал поправляться, ходил на работу, я училась в седьмом классе, в котором было всего пять учеников, мама работала воспитательницей в детском саду.

День Победы я встретила в Сыктывкаре, учась в восьмом классе. Жила я тогда в семье Шергиных – друзей мамы и папы. Рано утром меня разбудила тетя Шура (мать будущего министра образования Владимира Алексеевича Шергина) и сказала, что война кончилась! Я вскочила с кровати, подбежала к окну – там, на улице, радостный шум, люди обнимаются, смеются, что-то говорят, кричат друг другу... Радость Победы дошла и до моего сознания, но тут же резанула мысль: «Женя никогда не узнает об этом, никогда не будет с нами...». Я быстро оделась, собралась и помчалась в затон к маме и папе, роняя по дороге слезу за слезой. Вбежала в дом, кинулась в их объятия и зарыдала. Для нашей семьи, как и для миллионов других семей, День Победы всегда был и остается днем со слезами на глазах. Ставшая впоследствии в Архангельске известным врачом Леночка Бауман, в День Победы в течение всей своей жизни посещала военное кладбище и оставляла цветы на могиле Жени. Когда подросли дети у ее подруги Тамары – Алеша и Аленька – она приходила «к Жене» с ними. У малышек пробуждалось и росло чувство уважения и любви не только к Жене, но и к другим людям, погибшим во время войны. Прошло 60 лет с того первого Дня Победы. Теперь в нашей большой семье, учитывая семью брата Володи (он родился в 1947 году), три Жени: мой сын Женя Хлыбов, дочь брата Женя Власова и подрастающий мальчик десяти лет – сын брата Женя Власов. Память о старшем Жене Власове всем хотелось увековечить в его имени.

Одним мгновением была жизнь моего брата, но она оставила неизгладимый, обжигающий след в моей душе...

70-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ